

Ольга Каминка

Мои 90-е

панк-роман

Ольга Каминка

Мои 90-е

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11008560

ISBN 978-5-4474-1386-6

Аннотация

Русские неформалы в Копенгагене.

Время действия: конец 80-х – начало 90-х. История приключений от первого лица. Все события – реальные, имена – изменены. Весело, жестко и откровенно. О поиске себя, сексе и дружбе, наркотиках и творчестве, чести и юношеском максимализме.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	50
Глава 8	61
Глава 9	71
Глава 10	81
Глава 11	92
Глава 12	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Мои 90-е

панк-роман

Ольга Каминка

Это – роман о потерянном времени. Правдивый рассказ о тщетности бытия и проблемах, которых могло бы не быть. Все имена изменены и факты перевернуты.

© Ольга Каминка, 2015

© Юлия Хамо, иллюстрации, 2015

© Ульяна Подкорытова, иллюстрации, 2015

Редактор София Дробинская

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава 1

Пионеры и перестройка. Исход мажоров на Родину. Анархия. Междометия и девственность.

У меня есть странная способность предвосхищать события. Не какую-нибудь ерунду, а целые явления. Даже не предвидеть, а, конкретно, лезть на передовую. Но, как ни странно, повышенная чувствительность ягодиц до добра не доводит.

Первый раз это случилось за год до начала перестройки. Еще только шла возня в руководстве страны, а я уже посмотрела на все своими детскими глазками и поняла: нам всем нужно перестраиваться. И стала местным рупором «нового мышления» в школьной стенгазете.

Приближался 86-й год, в коридоре мажорной русской школы при посольстве СССР в НССР висел скромный ватман, служивший средством массовой информации нашего микромира. Я до него дорвалась и остро подняла вопрос о целесообразности существования пионерской организации. Не комсомольской даже, не каких-то там структур, а просто пионеров. Потому как была пионервожатой. Я предлагала деполитизировать эту чудесную организацию. И тут же прослыла вольнодумцем. Меня раз сто вызывали к директору и убеждали написать в эту стенгазету публичное покаяние. Я отказывалась.

– Напиши опровержение! Напиши, что ты подумала и поняла, что ошиблась... Я была смелой и наивной отроковицей: «Но это же неправда!»

Больше всего страдал мой папа. Он боялся увольнения

через мой подростковый максимализм. Он работал в посольстве, и жили мы припеваючи за границей. Все советские люди там находились под домокловым мечом «высылки из страны». Высылка была равносильна ссылке. На Родину. Так мы ее и воспринимали: Москва – место ссылки. Я знала, что это такое, не понаслышке. Детство мое прошло в спальном районе около МКАД, где кирзачи и ватники были эталоном стиля, а пацаны ходили с цепями, которыми дрались: стенка на стенку. И туда никто возвращаться не хотел. Но писать неправду я уже тогда не умела. Папа стонал вечерами:

– За что нам это, мать?! Лола, ты глупая девчонка, ты Маркса читала? Ты прешь против исторически неизбежного процесса! Против мирового развития коммунизма! Если деполитизировать пионеров, они уже не будут называться пионерами!

– Да и черт с ними! – парировала я.

О, Господи! Так ведь и на комсомол можно замахнуться, а потом... на партию? Нас вышлют, мать!

И тут грянул восемьдесят шестой год, и Горбачев вдруг прогнал свою телегу про гласность. Абсолютно не в традициях обычных официальных заявлений наших «вождей».

Все подобосрались, честно говоря. Полный разрыв шаблона, когнитивный диссонанс и апокалипсис. Рушилась почва под ногами. Почва, которую я ненавидела: каменные плиты устоев и лицемерия, молчания и вранья. Я ликовала. Мой язык без костей был теперь узаконен. К тому же я была при-

мерной комсомолкой: быстро научилась курить, а на единственных кроссовках писала фломастиком: «Anarchy».

После школы я просиживала единственные джинсы в модном кафе. Там была куртуазная атмосфера: картина с зеленоватой кудрявой музой на стене, живое фортепьяно и звон посуды. Я брала один чай с лимоном и сидела часа два-три. Мечтала. Официантки меня ненавидели. Зато там всегда было много разных богатых художников, салонных вольнодумцев, и чистенькой альтернативной молодежи. Я смотрела на людей и писала заметки на полях книг. Книги были особенные. Я записалась в посольскую библиотеку и читала Кропоткина и Бакунина, аккуратно подчеркивая карандашиком мысли, с которыми нельзя было не согласиться. Прекрасный взрослый мир ворвался в жизнь советской комсомолки маргиналами-единомышленниками. Все они ходили на дискотеку «Drancy» в «спальном» районе маленького европейского города. Там, в зале, прокуренном до рези в глазах, подвыпившие подростки неумело кадрили раскрепощенных девочек. Играла прогрессивная музыка. А потом, после закрытия, едва стоя на ногах, бледная молодежь – «депешаки» и «кьюрацы» выясняла отношения прямо на трамвайных рельсах. Трамваи в такое время ходили редко, а вопросы крутизны требовали немедленного разрешения. Там же по-долгу велись дебаты о принципиальных различиях панков и готов. Я любила Depeche Mode, потому что мальчишки-фанаты The Cure выглядели как-то не до-

статочно... мужественно, а значит, не достаточно взросло. Не будоражили они мое детское либидо. Старше всех и круче всех выглядели панки. Мне они казались лучшими. Тогда я еще не понимала, что быть самым взрослым в некоторых компаниях – признак скудоумия. Я научилась ставить ирокез лаком из розового девчачьего баллончика. Но втайне мечтала делать это темным пивом, как и положено матерым панкам. Быть модной и дерзкой. К концу года я уже была настоящим европейским панком: в вылинялых джинсах, но пахнувшая хорошими духами.

Школа была закончена на пятерочки, и меня отправили в Совок – поступать. В перестроечный Совок! Как только я поступила бы в любой вуз г. Москвы, меня автоматом перевели бы в один из лучших европейских университетов. И вся моя жизнь, тепленькая и аккуратненькая, была заранее predetermined. Но не тут то было! В Москве обнаружились выставки современного искусства, рок-концерты и марихуана.

Первое, что я сделала, вернувшись на Родину: вышла на станции метро «Кропоткинская» со стопкой листовок, сделанных под копирку на бабушкиной печатной машинке. Я обклеила ими всю улицу Кропоткина. «Люди, знаете ли вы, кто такой Кропоткин?» – было написано на них. Анархист-одиночка в мажорских кроссовках. Учиться в Европу я больше никогда не поехала. Я осталась в перестроечной Москве и наслаждалась свободой, каждой клеточкой впитывая культуру и прочую гуманистическую ересь. Провалилась

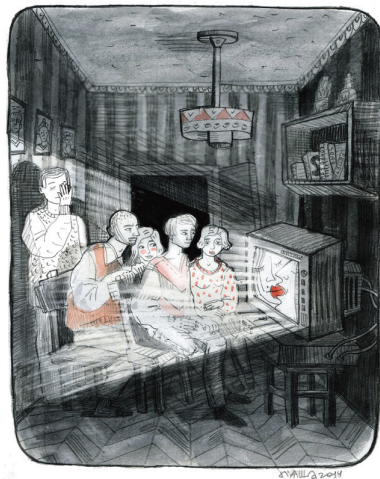
в институт и потеряла девственность. И то и другое было бы трагедией, если бы я умела печалиться.

На экзамене по русскому языку мне попался билет – ряды междометий: «ах, ох, эх...» И я убежденно доказывала грустным преподам, что одни и те же междометия могут быть в разных категориях, так как выражают разные эмоции, в зависимости от интонаций, с которыми произносятся. Решила пошатнуть усто и лингвистики. Преподавы заскучали и поставили мне «2».

Когда я не поступила, испугались все, кроме меня. Подружки вздрогнули и схватились за учебники. Родители – за сердце. А я переоделась и пошла на первое свое свидание. Это было для меня гораздо важнее. Девственность, в мои 16 лет, была настолько неприличным явлением, что я мечтала поскорей избавиться от нее. Подыскала молодого мускулистого блондина и поехала с ним в заводское общежитие. Какой-то треш-ремейк «Олимпии» Ленни Рифеншталь. Но об этом – как-нибудь в другой раз.

Глава 2

Меняю высшее на творческое среднее. Московский андеграунд: видеосалон на Таганке и «Свободная Академия». Культурный шок.

В стране творился полный раскардаш. При поступлении в институт нужно было уметь дать взятку или воспользоваться блатом. Мне Бог не дал ума, а моим родителям – ушлости. Мне предлагали поступить в МАИ, где был блат, но больший абсурд сложно было представить. Может уж сразу в Бауманку попробуем? И тогда предки просто остались жить в Европе, предоставив мне самой разбираться со своими амбициями. Я не знала, как правильно жить, никого не слушала, но явственно ощущала – сменяются эпохи и все возможно. «Мы наш, мы новый мир построим...» И, включив какую-то сермяжную логику, я решила забить на высшее образование и податься в ремесло. Типа: и после ядерной войны прокормит. И пошла в техникум, учиться на фотографа. Родители объявили траур, оплакивая мое будущее. А я в глубине души была убеждена: ремесленники – это узаконенные художники. Полезные для общества.

Я не на шутку увлекшись фотографией. Просто до мурашек по коже. Романтика темных комнат, камера-обскура, чувствительные пленки и томные позы перед объективом... Мы с друзьями посещали всякие андеграундные тусовки, которые начали бурно плодиться в те годы, словно звери, выпущенные из зоопарка на свободу. У нас было любимое место – видеосалон на Таганке. Фактически – квартира на первом этаже. В одной комнате на деревянном стуле стоял телевизор и видак, напротив – три ряда таких же стульев. Вся бо-

гема Москвы знала этот видеосалон. Там я посмотрела впервые «Небо над Берлином». Жуткая скучища, кстати.

Но самое важное для меня случилось на втором курсе: в техникум пришли взрослые ребята, лет по двадцать пять. Это была «Свободная Академия» Ильи Пиганова. Илья уже тогда был очень крут. С ним были молодые Мухин, Слюсарев и еще несколько «авторитетов». Они искали среди молодежи тех, кто подает надежды. Взяли меня в эту «Академию» чудом, наравне с самыми талантливыми ребятами с нашего курса. Но ходить туда стали только мы с моим бойфрендом... назовем его Сашей.

Мы вместе учились. Он уже тогда был очень продвинутым молодым фотографом: «видел свет», технику любил и ловко управлялся с увеличителем УПА. А я – начинающий сумасшедший «творец», который еще толком ничего не умеет. Но я чувствовала себя фотохудожником, без сомнения. У меня были невероятные притязания к миру: вот сейчас я обязательно стану знаменитой, уеду в Нью-Йорк, завоюю мир и стану суперфотографом, ну, или хотя бы супер-кем-то, неизвестно кем. Но точно – в области фотографии. Потому что это – самый классный, актуальный и самый высокотехнологичный вид искусства... был... тогда.

Когда я прошла первое собеседование в «Академию», я просто пицала от счастья... Думала: «Так, радоваться нельзя, вдруг все-таки не возьмут». А потом: «Нет, я сейчас порадуюсь по-любому, а потом еще раз, если возьмут». Два ра-

за порадовалась.

Тогдашняя жена или подруга Пиганова – Ирина Меглинская – сидела на задней парте на наших лекциях. Серый кардинал. Богиня. И я мечтала, что буду вот так же когда-нибудь сидеть. Сама не очень умею снимать, но буду всегда рядом с процессом. И придумала: буду стилистом. Стилистов тогда нигде не учили. Даже не знали, что это такое. Даже лет пять спустя стилистами у нас называли только мастеров по мейкапу. А я совсем другое имела в виду: постановку, образ, стиль... Чистое искусство!

В «Академии» нас учили как раз искусству. Мы узнали много таких вещей, которые были не просто не доступны, а даже как будто засекречены. Смешно, но так казалось. Просто не было еще интернета. И не было в России всей этой «буржуазной» культуры, современных и спорных произведений искусства. Только классика. Теперь это слово вызывает ассоциации исключительно с рубрикой меню на порносайте.

На своей лекции в «Свободной Академии» первое, что сделал Пиганов – включил на проекторе (это был тогда еще диапроектор!) слайд с голой негритянской жопой. Нет, вообще – с эрегированным членом. На большой стене, в темноте засветилась картинка с огромным черным х-м. Мы все чуть не задохнулись. Но улыбались друг другу кривыми улыбками бывалых. Он показывал нам Роберта Мэпплторпа. Мэпплторп – это такой фотограф, очень известный – гей, из Нью-Йорка, он снимал своих красивых любовников и звезд анде-

граунда... Черные парни с белыми цветами, например. Все очень экзотично и эротично. А нам было по 18—19 лет. Действие происходило в каком-то полуразрушенном дичайшем здании в центре Москве. Постсоветские нищие пространства с тараканами и колченогими стульями, а на экране — индустриальный лофт, в котором жил фотохудожник. Он умер, кстати, от СПИДа. Даже болезнь эта казалась мне тогда романтической. Этот мощный культурный шок, так и остался с нами на всю жизнь. Все это — смерть, искусство, гомосексуализм, эротика, индастриал, стиль, мода, черное и белое... — все это сложилось в такой сладкий лонгдринк, который помог мне надолго забыть колченогие стулья и убогую реальность.

Глава 3

О непростой жизни молодых фотохудожников: Наппельбаум, «Военторг», бабушкин шкаф и Тишинка. Эротика и антиэротика.

До прихода в страну капитализма, термин «фотограф» воспринимался исключительно как фотограф на паспорт. Или как диагноз: сальный хвостик, жилетка, кожаный кофр – романтика! У многих отцы увлекались фотографией – фотографировали своих жен на юге в купальнике среди скал. Иногда и не жен. Для этого и овладевали профессией: оптику изучали, химию, а ночами в ванной сидели над отпечатками – попадали в экспозицию с пятого раза. Максимум, что интересного можно было сделать после нашего техникума, – устроиться работать на Мосфильм, чтобы снимать кинопроцесс. Кадры из фильма потом гордо висели в коридоре киностудии. Но в пигановской «Академии» учились необычные люди: там был, например, чувак, который работал в КВД – болячки снимал крупным планом. Мы его очень уважали. Считали это «высшим» концептуализмом. Потом он все-таки «вышел в люди» и снимал какую-то рекламу.

Чтобы стать фотохудожником, я мутила разные странные stories: снимала, например, помойки и какашки. Но мой бойфренд всегда любил делать портреты. Как учили нас в техникуме, по заветам Моисея Наппельбаума: отринув с презрением шаблон рембрандтовского освещения. Так-то. А потом мне попался коричневый чемодан, стильный такой, годов пятидесятых, где внутри были наклеены обои. Такие вещи еще продавали последними партиями для солдат и морячков в магазине «Военторг» – плащ-палатки, лычки, кир-

зовые сапоги – все самое нужное советскому человеку.

Магазин находился в самом центре – на Воздвиженке. Сейчас там надменный бизнес-центр Voentorg, облицованный мраморной плиткой цвета каки. А раньше мы туда часто наведовались за реквизитом. Чемодан был героем многих творческих экспериментов. Например, я выкладывала рядом с ним карты, глобусы и голую подружку в целомудренных позах. Это была эротика. Черно-белая, естественно. Ну, а потом этот чемодан мною использовался вместо дамской сумочки. Еще у меня были скрипучие башмаки, которые продавались в строительном магазине для малярш. Практически «мартинсы», только кирзовые, и они немножко поскрипывали. И еще было бабушкино платье – зеленое, шерстяное... Бабушка была женой дипломата и путешествовала по границам именно в те суровые годы, когда многие граждане уезжали в совершенно ином направлении. Муж ее работал с Коллонтай и прочими видными политиками. В гостиной у них висела фотография в рамочке, где дедушка сидит с Черчиллем на переговорах. Фотка висела над гигантским деревянным радио с двумя ручками и динамиком из желтой материи. Гардероб у бабули был умопомрачительный: шелковые платья, опаловые серьги, меха...

Но она ничего этого не носила. Ей положено было по статусу что-то такое купить за казенный счет и выйти разок с бабушкой под ручку на прием, а потом она все это вешала в шкаф со вздохом облегчения. И ходила в рабоче-кре-

стьянских платьях и теннисных туфлях, как честная советская женщина. Особенно меня впечатляли прозрачные резиновые калоши с каблуком – специально для туфель. Они хранились у бабули в специальных чехлах-органайзерах, пока резина не слиплась от старости. Но кое-что мне удалось выцыганить у нее до пришествия тлена. Я тогда, в детстве, думала, что у всех бабушек есть такие волшебные шкафы. Ну и относилась я к этим нарядам довольно небрежно, не ценила их аристократизм. Безумное зеленое платье с пуговицами на спине – от шеи до пяток – я носила со скрипучими маллярскими ботинками, а в руках – коричневый чемодан с железными уголками. Плюс – очки-бабочки с «Тишинки»...

«Тишинка» – это целый культурный пласт. Там знакомились и создавались пары. Велись философские диспуты, рождались творческие идеи и снималось кино. Это был первый клуб неформальной молодежи под открытым небом. Первая тусовка фриков. На самом деле – рынок. Барахолка. Туда ходили каждые выходные, летом и зимой – ловить исчезающую эпоху, искать раритеты, «модно» одеваться по дешевке. Там я загнала свое мажорское выпускное платье. Хватило на несколько бутылок пива. Один раз там даже продавали шелковую красную рубаху в пятнах крови. Перед посещением рынка все встречались в маленьком подвальчике – кафе без названия, в народе – «Рога», в честь основного и единственного элемента декора на стене. Пили «настоящий» кофе в турке на песке. Приносили с собой в рюкза-

заках портвейн. Основательно прогревшись для длительной прогулки, шли на Тишку. Бродили среди пенсионеров, разложивших свой скарб на земле на газетках. За свою популярность Тишинка поплатилась тотальной реконструкцией. Сейчас там лицемерное подобие былой атмосферы – напыщенный «Блошиный рынок» со старинными плюшевыми мимишками по тысяче долларов.

Такие вот нарядные мы лазили по подворотням, да по чердакам: искусством занимались, фотографировали друг друга – какие мы прикольные. Так зарождалась fashion-фотография в этой стране. Один раз я вытащила на съемку девочку, которая казалась мне безумно красивой. Красивой «на лицо», как говорится, но с огромными, совершенно непропорциональными фигуре, бедрами. Она, в общем, конечно, догадывалась, что у нее что-то не совсем так... как у всех. Не совсем обычная красота. Но я, со своей эмпатией, разве-ла ее и сказала, что это – как раз ништяк.

– Давай! Ты же красивая, снимем тебя красиво! Наденем черное трико... ну, конечно, голую жопу снимать не будем...

Хотя хотелось именно этого и, конечно... В этом бы была фишка. Но тогда мне не хватило смелости. Да, мы ее сняли, и это был апофеоз всей моей эстетики. Мы влезли в заброшенный дом, на чердак. Там везде валялся битый кирпич, и было одно окно, из которого падал луч света. И в этом луче света планировалось сфотографировать девушку. Романтика. Девушка дико стеснялась. Она была в леггинсах,

в приталенном пиджаке и зачем-то в кепке. Я ее фотографировала на дерьмовый, но прикольный фотоаппарат «Любитель», с широкой пленкой: смотришь сверху в окошечко на матовое стекло и прокручиваешь кадр вручную. А Саша снимал меня, как я снимаю эту девочку. Очень концептуально. Мне кажется, это была эротика, все-таки. Очень странная, эстетская и немного... злая. Позже я прочитала у Сюзен Сотаг, что фотографирование – это всегда акт агрессии, нападение хищника на жертву. По крайней мере, мой снобизм по отношению к толстожопому объекту съемки добротой назвать было сложно. Но это было осознанное творчество, а не просто извращенное либидо. Потому как народная эротика, которая нас окружала повсеместно, не устраивала меня никак: в кабинах дальнобойщиков висели фотографии веселых колхозниц в кружевных синтетических трусах. Пьяные шалавы в кабаках – как эталон сексуальности. Деньги, алкашка и шансон. Эротика, как ни крути, мать любой эстетики. А мы были какими-то уродами. Эстетическими извращенцами. Лично я так себя ощущала и гордилась этим.

Глава 4

Эстеты-миссионеры и бушмены.

Подростковые иллюзии.

Как стать фотомodelью

и выйти замуж за иностранца.

Картофельный салат, танец

страсти мифический фотоаппарат.

Шел девяностый год. Мы интенсивно создавали отсутствующую в стране красоту. Поднимали общественный уровень вкуса. И чувствовали, что на стыке может родиться гениальный стиль. Но все же, я страстно мечтала уехать из России, чтобы покорить уже весь мир. Был у меня один знакомый фотограф, он пел в церковном хоре по выходным. Он тоже мечтал уехать. И уехал. Причем, по приглашению от западной галереи. Так уехать было верхом удачи. Стремительная и блестящая карьера. Так вот, он для этого снимал голых толстых баб в пионерских галстуках и прочих атрибутах развала великого СССР. Художественно, но некрасиво. Конъюнктурно как-то, по-предательски. Так вот, мы так точно не хотели. Интересно, что с ним было потом?

Я верила, что скажу «новое слово» в искусстве. Тогда это казалось так несложно... Было столько новых идей, и формы выражения не успевали за ними. Потом, правда, оказалось, что новое все это было только для нас, дикарей. А на Западе смотрели на все это как на забавный феномен. Много лет спустя я стала свидетелем аналогичного культурного прорыва... Я ездила с антропологом к бушменам в резервацию в Южной Африке. Они сидели в пыли около своих убогих жилищ и выделывали шкуры швейцарскими ножами «Solingen». Ножом работать было намного удобнее, чем скребками. Выходило быстрее и аккуратнее. Но это были все те же некрасивые и вонючие шкуры, висящие у них

на бедрах. Ножи завезли туда уже давно, но ребята продолжали ими делать то, что привыкли.

А нам хотелось дышать. Говорить и быть понятыми. Я ходила с красными волосами и ждала, что ко мне будут относиться серьезно. Мой подростковый период совпал с подростковым периодом целой страны. Страна удивляла своей косностью. Вроде бы – все можно. Но ничего хорошего не получается. Это не просто раздражало. Это фрустрировало. Отнимало надежду на будущее. «У меня в то время была любимая песня: «Уеду срочно я из этих мест, где от черемухи весь белый лес». И я, конечно, пыталась найти разные возможности. В частности, тогда существовали очень странные бюро знакомств, которые часто косили под fashion agency для фотомоделей. Тогда, в девяностом году, кроме бюро знакомств, по-моему, вообще ничего не существовало, никаких доходных структур. Промышленность встала, бизнес еще не начался, госслужбы дружно делали вид, что все еще зачем-то нужны. А эти дикие конторы по отбору моделей делали следующее: к ним приходили девушки и говорили: «Мы хотим быть фотомodelью». Всякие приходили: красивые, толстые, сумасшедшие, проститутки. Все, кто был выше 170 см ростом, хоть разок заходил, судьбу спытать. И им говорили: «О'кей! Но у вас нет портфолио, чувихи! Поэтому вот – есть тут фотограф, вот – фон висит (тряпочка на кнопках в подвале каком-нибудь). Вы должны заплатить 200 долларов, и мы вам снимем супер-портфолио». Девушки плати-

ли. Отдавали последние, брали у «спонсоров», мало ли – повезет... Им отдавали фотографии и говорили: «Ну вот, мы закинули ваше портфолио в международное агентство «Пупкин и Со», ждите. Если вы им подойдете – позвонят». В четырех случаях из пяти это был чистый развод. Возможность подзаработать, потому что денег не было ни у кого.

Авантюристы процветали. Были еще такие агентства знакомств, которые знакомили русских телок с иностранцами. Как правило, там блядство было махровое. Блядство было вообще везде. В периоды нищеты оно всегда расцветает, как упрямые ростки жизни на руинах. Так вот, люди снимали в центре специальную квартиру... Тогда старые квартиры в центре были в запустении и стоили недорого, а престижным районом считался, например, Сокол, за «сталинские квартиры с высоким потолком. В огромной пустой съемной хате в центре большой комнаты стоял стул и видеокамера – в другом конце. Происходило все просто – садишься на стул и тебе оператор говорит: «Если вы хоть чуть-чуть знаете английский, скажите что-нибудь, хотя бы поздоровайтесь, а потом уже можете по-русски». Телочки садились перед камерой и рассказывали о себе и о том, какого они хотят мужа. Часто на академическом английском, после спецшколы. Всем от 18 до 25. Кто постарше – уже давно щи варили мужьям... И видно было по каждой, что им все равно – какого мужа, главное – умотать поскорей.

Мне было двадцать, не первой уже свежести телочка.

В общем, я долго металась, но пошла все-таки в одно из таких агентств, которое показалось мне приличным. Передо мной на стуле сидела пухленькая блондинка, очень скромная, но четкая: сказала, что ей нужен муж *kind and clever*. Меня даже удивило, почему она не добавила до кучи – *rich and handsome*. Я села и поздоровалась по-английски, потому что только это из школьного курса и помнила. А дальше порусски, рассказала, что я занимаюсь искусством и мне нужен кто-то такой же, желательно молодой, художник... Оператор, он же владелец агентства, головой покачал: «Молодых у нас нет, честно говоря. А художников – и подавно. Но, может, повезет...» В общем, анкету заполнили, я где-то там расписалась и забыла о них.

Неожиданно, через пару месяцев мне позвонили и говорят: «Ну что, все! Привезли мы вам иностранцев! Они видели ваши видеозаписи и уже кое-кого выбрали: кто – одну, а кто – двух. И теперь готовы с вами встречаться». Я очень удивилась: «Что, и меня кто-то выбрал, что ли?» И они сказали: «Да, вы понравились одному чуваку, американцу (допустим, Полу). Но встречаться будем все вместе, с представителем агентства: будет группа девушек и группа иностранцев... Мы все встречаемся перед рестораном». Ресторан назывался «Арбатский», на пересечении Садового и Нового Арбата – с глобусом наверху – один из самых козырных и дорогих ресторанов. Мне, конечно, показалось все это маразмом – коллективное свидание и ожидание перед дверями ре-

сторана... Но в нашей стране – любое столкновение с любой структурой – маразм. И я поехала. По-любому интересно, приключение!

Короче говоря, я туда прихожу... а надо сказать, что стояла зима, холодно. У меня были кооперативные сапоги на рыбьем меху – жутковатые такие, рыжие... Юбка длинная, бабушкина шубка, молюю траченная и восемь платков намотано. Ну и свитер, естественно. Вот я в таком виде прихожу к «Арбатскому» и вижу целую толпу телок. И все они нафуфыренные и на каблах, с укладками. Ну как же, они же иностранцев себе ищут! То есть это такой особый клан женщин, которые, конечно, не проститутки, но... сильно нарядные. Ухоженные – уж точно. И они так всегда ходят в своем Бирюлево. А я – вся в искусстве, натурпродукт, и замотана платками. И группа иностранцев стоит. Все довольно престарелого возраста. Всем дико неловко, как мне кажется... или только мне дико неловко. Организаторы мероприятия начинают нас сортировать, типа:

– Мариночка, вы вот с Дэвидом, Лена – Оливер... Лолочка? А, вам – Пол!

А я такая:

– Чего? Почему это – Пол! Может на меня сейчас Дэвид упадет еще!

– Нет, именно Пол вас хотел узнать получше, поэтому вы ближе к нему садитесь за столом.

– Да? Ну, хорошо, – говорю я и чешу к нему прямой по-

ходкой, общаться.

– Нет-нет, подождите-подождите, мы войдем отдельно. Администрация впустит нас группой, чтобы не было подозрений, что вы валютные... Ну, что вы тут на работе. И стоим дальше, интригуем женихов дистанционно. Наконец вышел специальный администратор и запустил всех по списку: сначала их, потом нас. Он же рассадил нас за длинным столом. Скатерть, жрачка, лабух играет, крутится шарик вот этот вот под потолком, вся фигня... Мы сели за стол. Я при этом в полной непонятке: платить мне самой надо за все это или нет? Измена. Ко мне садится Пол и быстро, деловито со мной знакомится. На нем – чуть расстегнутая шелковая цветная рубашка, цветной же шейный платок – как жабо какое-то. Он загорелый и в джинсах. Какой-то киноперсонаж просто. Остальные – в приличных костюмах и довольно унылые. Я думаю: «Блин, ну только со мной, конечно, мог такой... чу-дак познакомиться». Пришлось разговаривать на школьном английском: не понимая, что говорят в ответ. Нам помогают иногда организаторы, издали выкрикивая нужные слова: «Э фэмили!», «Э спун!», «Зе оппортьюнити!» В общем оказалось, что этот чувак – пастор из Калифорнии, который сам, на свои деньги построил church на местности. А деньги он заработал тоже очень странно. Он жил около свалки для б/у машин. И собирал новые тачки из этих старых, на чем и разбогател... Ну, может быть, не сильно разбогател, но у него появились какие-то деньги, и он построил свою

церковь и стал там пастором. Вот такой чувак на меня за-
пал. В общем, как-то мне уже немножко стало интересно.
Но не долго, потому что он стал внезапно настойчиво тре-
бовать картофельный салат у официантов. И это было вооб-
ще, единственное, о чем он говорил с энтузиазмом: «А мы
будем кушать сейчас, да? А картофельный салат будет?» На-
ши официанты тушевались: никто толком не понимал, хочет
он именно какой-то картофельный салат или он так оливье
называет. А это был potato salad, есть такая хрень. И он ис-
кренне считал, что это – традиционное русское блюдо. Пе-
ревести разговор на борщ не вышло.

– А ты умеешь делать картофельный салат? – пере-ключился он на меня.

Поскольку мне было двадцать и я вообще готовить не уме-
ла, мне было глубоко наплевать на картофельный салат. Я
ему так и ответила. Я подумала, что так будет лучше, чтобы
сразу узнать свою избранницу как можно ближе.

Он был немного разочарован и сказал:

– Ну, тогда пойдем потанцуем.

Тут я вообще припухла, потому что танцевать надо бы-
ло под оркестровую аранжировку какой-то русской народной
попсы, типа Ларисы Долиной «Не сезон». Дичь ресторанная.
Он вытащил меня на середину (больше никто не танцевал)
и пытался крутить через голову за руку. Вышел очень интен-
сивный танец. Стало жарко, а мои огромные сапоги остав-
ляли грязные следы на полу. Я вообще никогда под такое

не танцевала, даже на школьной дискотеке.

– Пол, я не люблю танцевать.

– Как же так? Картофельный салат не умеешь готовить и танцы не любишь танцевать?

Тут я поняла, что – все, надо быстро прощаться. И очень странно отмазалась: сказала, что срочно еду покупать фотоаппарат (мне казалось, что это очень круто). Меня ждет продавец, у меня с собой деньги (о, целая пачка долларов!), и мне надо идти, потому что я опаздываю на встречу. Видимо, я хотела показать, что не совсем уж лыком шита. А на самом деле я поехала встречаться со своим бойфрендом в метро. И пересказала ему всю эту историю: как мы в ресторане с женихами веселились. Мы с Сашей как-то сквозь пальцы смотрели на то, что я собираюсь выйти замуж куда-то «налево». Слишком подробно не обсуждалось, но и не осуждалось. Я уже много раз ему закидывала удочку, что хорошо бы уехать. Но у меня не было никаких нормальных вариантов, и он понимал, что это – вынужденная мера. Всем было ясно, что уехать девушка может, только выйдя замуж. Уехать хочется всем, уехать по-любому хорошо... Я же ради этого не в гостинице проституткой работаю! Я, как честная девушка, все ему рассказываю. Мы были еще очень молодые. Видимо, хотели быть более свободомыслящими, более продвинутыми. Или хотя бы казаться.

Глава 5

**Деньги, хохлома, пирог из хлеба,
работа для девушки-фотографа,
121-я статья и голые юноши
на календарь. Автобус 666.**

Наступил и девяносто первый год. Все работало абы как, никому ничего было не нужно, только денег, и срочно. Потому что, как пел мой любимый «Комитет Охраны Тепла»: «Завтра не будет... Завтра не будет ни х-я, ни тебя, ни меня... Завтра не будет!»

Когда я первую свою стипендию получила, я хотела сделать маме подарок, как положено. Вроде бы 15 рублей.! И с этой стипендией я пошла в ближайши магазин (он тогда назывался не супермаркет, а универмаг). В наличии были колготки. Почему-то тогда завезли много колготок, с бу-синками на щиколотках. И были сувениры: хохлома, палех, мельхиоровые ложечки для чая... Такой вот ассортимент из десяти наименований. Поэтому я купила ей платок посадский шерстяной: вроде как польза и «ничего так» на вид. Вся стипендия ровно ушла на платок.

Цена на хлеб за год с 20 копеек подскочила до рубля, а еще через год – до 20 рублей. Зарплаты выдавать перестали. А если и давали, то талонами – на сигареты или на водку, например. И это еще хорошо, а то могли и хрусталем каким-нибудь. Завод плюшевых игрушек выдавал з/п плюшевыми игрушками. И люди стояли вдоль дорог, продавали мудацких плюшевых мишек, водяру и своих баб. Кое-где питались хлебом и картошкой. В Москве было еще не так плохо. Курили мы «БТ» или «Родопи» – болгарские, качественные. А народ и «Приму» сажил нормально. Я, как студентка, ничего не за-

рабатывала и вскоре перешла на иждивение родителей своего бойфренда. Они пекли пироги из хлеба: размачивали этот хлеб, пропускали через мясорубку и лепили новые коржи, добавляя туда варенье. Это было отвратительно, но я мало ела, так что обходилась спокойно без пирогов.

Ничего удивительного, что многие мои ровесники, те, которые уже закончили школу и не могли позволить себе жрать родительский хлеб, так и не смогли получить нормального образования. Ну, и дух свободы был в нас сильнее благоразумия. Открыли границы, народ оживился. Самыми популярными направлениями для бегства, кроме США, были Канада и Германия. Там были отработанные схемы приема новых граждан. Новая Зеландия и Австралия принимали высококлассных специалистов. Я таковым точно не являлась. Канадцы брали молодые семейные пары с хорошим образованием, врачей, брали хорошо и очень хорошо брали одиноких девушек. А у меня был Саша. Да и вообще, далеко и страшно. Израиль не был престижным направлением. У русских – уж точно. Хотелось, конечно, в Германию, но... там к посольству подойти страшно было: я наткнулась на толпу одуревших людей, которые распахивали друг друга руками, били зонтами, писали списки и ругались матом... А главное, туда от метро шел автобус номер 666... Я из принципа на него не села. Да и черт с ним. Я знала, что как-то вырулю, но еще не знала как. И вообще, все это как будто происходило где-то рядом, но не со мной. Целительная сила

искусства застилала мне глаза розовым туманом.

Естественно, было немного неловко перед родными, и я искала работу. Но где ее искать – было совершенно не понятно. Никому было не понятно. Лучшее, что могло случиться с человеком, – челночные поездки в Польшу: туда – лук, оттуда – груши. Все заработки пахивали криминалом, раскладами на честном слове, районными тусовками, плавно перераставшими в ОПГ. И все это, конечно, несовместимо было с просиживанием штанов в институтах. Я пыталась «устроиться по специальности»: бесконечно давала какие-то объявления в газеты. «Из рук в руки» тогда только появилась. Написала: «девушка-фотограф ищет работу». Это я уже теперь понимаю, что нельзя было так писать. Начался шквал звонков, когда в трубку делали приблизительно так: «Хи-хи-хи-хи, девушка? Фотограф? Ха-ха-ха-ха» – и вешали трубку... Тогда было мало девушек-фотографов, процентов десять, не больше. Были кино-операторы, правда, но все они были такие жилистые мужеподобные тетki. Это была такая совершенно не женская специальность: работа тяжелая – выездная ли, в студии ли: оборудование таскать на себе (очень все громоздкое, тяжелое). Каждый осветитель по три кило минимум. Кофры с аппаратурой – вообще! Они и без аппаратуры-то весили по два килограмма, потому что были кожаные с изящными железными замочками. Да и в технике, как известно, бабы не сильны... Плюс работа с населением, нервная. А на досуге – принято было баловаться обнажен-

кой или порнухой подрабатывать. В электричках глухонемые такую порнуху продавали: кипу ч/б отпечатков положат рядом с пассажиром на сиденье и дальше идут по вагону, а потом за деньгами возвращаются. Ну, так же, как сейчас благотворительные магнитики. Отсюда логика: если девушка-фотограф – точно какой-то развод. Или – сексуальная извращенка, например, смешная лесбиянка «зона-стиль». Поэтому, конечно, надо было поржать в трубку. Эти люди звонили по телефону и хихикали, а потом два человека из трех начинали предлагать мне сфотографировать их в женских колготках или что-то еще не очень приличное. Видимо, люди долго держали все это в себе. Самое прискорбное, что «служба быта», для которой нас тогда готовили после техникума (мы должны были стать великими фотографами на паспорт), тоже практически вся разваливалась. И эту сферу смяла приватизация: подвалы все повыкупили, оборудование разворовали. Хотя, там всегда работали придурки.

В газету «Правда» мне и в голову не приходило устроиться. Да и в «Московский комсомолец» – оплот свободомыслия – тоже. Там искусством и не пахло. А я все еще верила, что можно найти что-то «по душе». Какое-то место, где есть адекватные люди. Не хитрожопые и беспринципные авантюристы, коих тогда было 90%, и не засахаренные старперы в агонизирующих структурах – в музеях и ведомствах. Мне нравились люди, которые пытались издавать разные дикие газеты. На плохой бумаге. Сейчас бы это назвали самизда-

том. Но, по-моему, это был настоящий медиаарт. Например, «Красное и Черное» и «Третий глаз». Потом появилась газета «Тема». Ее издавал некто Ращупкин. Газеты лет десять назад писали, что он умер от СПИДа. Вроде, соврали. Это была первая и единственная газета для геев и лесбиянок. Причем статью еще никто не отменил, газета издавалась нелегально.

Вот такая была в стране степень хаоса и анархии. Туда меня работать не взяли. Но в ней я прочитала, что скоро будет выходить дружественное аналогичное издание. Я написала туда письмо, предлагая им сотрудничество как фотограф. Написала, что я не лесбиянка, а «сочувствующая». Как же они потом ржали надо мной! «Вот это термин!» Говорили, что таких не бывает. Они еще не видели таких. Я первая была. Я снимала мужскую обнаженку. Гомоэротику, как сейчас говорят. Например, субтильного голого парня на трубах дебаркадера ранней весной. Не-не, самое главное было прикрыто костлявым бледным бедром. Вот такая эротика... С любой стороны странненькая. Редкие прохожие оглядывались и спрашивали: «На календарь что ли?» Мы хором молчали, и нас не били. Газета вышла раза три-четыре. Денег не платили. Но тогда нам было весело. Мы много выпивали вместе, и я выяснила, что половина – чьи-то дети и внуки. Ну... известных людей. Душевные были ребята, только бесконечно сплетничали и ссорились между собой. Потом парни занялись «нормальным» бизнесом. А я уехала. Когда вернулась через полгода всех навестить, у них тут как раз, в де-

вяносто третьем, официально отменили 121-ю статью. За это выпили особенно сильно. И даже мимо Курского гуляли весь вечер с наглым видом. Задирали упырей с арматурой. Ничего не боялись. Свобода!

Глава 6

Панк-рок, трава, Арбат, аборт и бабушкины панталоны.

Еду я как-то домой со съемки, и у меня звонит телефон... Даа... ни хрена он у меня не звонит! Мобильных-то еще не было! Сажу я дома, значит, и звонит мне подруга...

Двумя годами раньше за мной ухаживал один молодой человек, такой еврей-еврей... Вернее, сначала он ухаживал за моей подругой Светой. Он ей не нравился, но она, тем не менее, позволяла эти ухаживания, потому что у нас с ней была мегакорысть. Да, у нас у обеих. Мы с ней были очень близкие подруги. Вместе учились в школе и вместе вернулись в Москву, где вместе теперь познавали прелести новой жизни. Мы слушали The Cure и Depeche Mode, но хотели большего. Нам нужен был панк-рок. Для того, чтобы стать счастливыми обладателями модной записи на кассете, нужно было дружить с правильными ребятами, которые эти записи записывали. А это – однозначно меломаны. Мы вернулись из-за границы и вообще мало кого знали в Москве. Найти правильных людей нам было весьма сложно. А тут появляется молодой человек... Алекс. Не могу про него ничего плохого сказать, но он такой... ну, не в нашем немногочисленном вкусе был. Из интеллигентной семьи, после английской школы. Хороший мальчик с кораблем в кармане. А у нас все какие-то головорезы были. Чем хуже, тем лучше. Но моя подруга с ним познакомилась и говорит: «О, класс, у него столько панк-рока! Он будет его нам записывать!» Ну и, два-три раза с ним встретилась. У нас сразу появились Sex

Pistols, Clash и Dead Cannadys. Жизнь стала налаживаться: Дженис Джоплин, Пати Смит, Нина Хаген... Но тут подруга говорит: «Слушай, я так от него устала, он ко мне домогается... Не, ну разок можно, но он не нравится мне совершенно! Он какой-то... некрасивый! Я даже не знаю, что делать. Может быть, теперь ты с ним сходишь на свидание? Хотя бы пару раз! Попросишь у него еще Cabaret Voltaire и Psychic TV?» У меня была стоическая репутация, я на первом свидании – ни-ни. Как-то мне было легче, было чем ей, устоять против мужских чар. И я пошла на это свидание. Он немного удивился подмене, но быстро переключился на меня и про Свету даже не спрашивал. И, действительно, записал пару кассет. Даже круче, чем мы ожидали: Front 242, Nine inch nails и Bauhaus... Он так мною увлекся, что уже на второй или третий раз сказал, что готов на мне жениться и его маме я очень понравлюсь... Его маме я потом действительно очень понравилась...

Мы изредка встречались, и я на все эти заезды про жениться только хихикала. Мы же – друзья! Он был весьма воспитан, приятен в общение и полезен: снабжал новой музыкой, водил по разным тусовкам и мог накрутить коробок, что особенно ценилось нами в мужчинах. Встречались мы всегда у Пушкина. Там проходили все свидания, стрелки по делу, а также, беспалевный обмен травы на деньги. Центральная точка тех лет. Потом мы шли гулять. Всегда очень интересно и всегда очень малобюджетно. С десертом за рубль.

Один раз с нами вообще произошел эпичный случай. Мы гуляли по Арбату. Тогда это было вполне нормально. Никакой стены Цоя еще не было, но были настоящие неформалы: брейкеры крутились на голове на картонках, пели какие-то сумасшедшие, среди художников еще встречались вольнодумцы, а панки подъедали ништяки в дешевых кафе. Меня, конечно, это очень впечатлило. Потому что я за границей такого никогда не видела. Восточноевропейские панки были вполне причесанные и начитанные. Идейные. Такие, лакшери. И я тоже считала себя панком. Даже ирокез ставила иногда, носила старческое зеленое пальто с каракулевым воротником, очки, как у Ленона, и джинсовый рюкзак. А тут панки – прям настоящие алконавты в засаленных джинсовых куртках! И жрали реально говно какое-то со столов. Тут я, конечно, задумалась, быть ли мне панком. В общем, мы погуляли по Арбату и решили раскуриться. Чтобы это сделать, надо было зайти в какой-нибудь подъезд и не светиться. На Арбате тогда было полно всяких подворотен и подъездов. Еще не было никаких шлагбаумов, кодовых замков, никакой элитарности тамошнего ветхого жилья и в помине не было, и подъезды были доступны молодежи. Ну, мы зашли в один такой – подальше, свернули в Спасопесковский и первую же дверь дернули. И там около почтовых ящиков дунули беспонтовую детскую пяточку. И только мы ее затушили, как вдруг на первом этаже со страшным грохотом распаивается дверь. Оттуда взъерошенная женщина с воплями и матом

выгоняет пинками на лестничную клетку мужика в трениках и белой майке-алкашке. Внезапно они видят нас. В тот же момент их внимание переключается, и они на той же активной волне устремляются к нам: «Аааа! Что это вы тут делаете? А кто вы такие, а ну-ка покажите документы!» Вроде как поймали злоумышленников. Наверное, было похоже, что мы их газету «Вечерняя Москва» из почтового ящика хотим похитить и читать потом при тусклом свете лампочки. Семейная ссора тут же погасла, и они сконцентрировались на нас. Очень стремно. Обезумевший пролетариат в праведном гневе. Мой хахаль, немного бледный, вынул из карманца свои документы и предъявил этому неизвестному гражданину. Студенческий билет – единственный документ, который у нас был на двоих. Мужик взял его и стал изучать. Тут мы поняли, что он пьяный в дупель и баба его тоже не трезва. Мужик очень долго вчитывался в буквы, а в конце концов решил по кругу прочесть печать на студаке. И тут же радостно завопил:

– А где подпись ректора!?

Мой приятель забурчал что-то там такое:

– Ну... я не успел, завтра пойду и поставлю...

Все-таки взрослые люди всегда пугают маленьких детей, тем более накуренных. Пока мы оправдывались, баба вдруг начала испытывать к нам странную нежность:

– Что ты к ним докопался, Юра, ты ж сам такой был молодой! В подъезде мы с тобой стояли тоже... целовались...

Может, и они тут целовались? Че ты к ним пристал! Ребята, вы тут целовались?

Мы радостно заорали:

– Да-да, целовались.

– Вот видишь, свиданка у них! Может им негде! Давай их в гости позовем, пусть они у нас... заночуют!

И тут стало совсем страшно, но как-то по-другому. Лучше бы милицию вызвали. Но они силком, невзирая на все наши «не надо, спасибо, мы уже уходим», втащили в свою квартиру – в гости. Мы оказались в классической арбатской коммуналке. Я такую натуру вживую видела первый и последний раз. Все как положено: мальчик на велосипеде по своим делам ехал прямо по коридору. Первая комната, которая с левой стороны у входа, – кухня. Наши друзья там подквашивали коньячок. И нам налили. И очень уговаривали заночевать. Как выяснилось, мужику уже было пора на работу, на вечернюю смену, а он, собственно, увлекся коньячком и идти не хотел. Баба его пинками выносила. А тут – мы. Ну, раз такое дело, они решили продолжить.

Мы со страху даже выпили по двадцать грамм – хоть с плана попуститься. За беседой женщина взяла апельсин и, манерно так, специальным изящным ножичком для фруктов, надрезала ему кожицу по эдаким меридианам и параллелям. А когда пришло время закусить, времени на хорошие манеры у нее не осталось, и она резко впилась в эту шкуру когтями, разрывая апельсин на кривые куски. «Так будет с каж-

дым!» – пронеслось в моей голове... Мы с Алексом переглядывались, переглядывались и поняли, что влипли. Пришлось подыгрывать. А ведь мы даже и не целовались ни разу! Сидим мы, жрем этот апельсин с коньячищем, а они нас лакируют: «Если вам негде, вы приходите к нам! Тут можно, даже в нашей комнате! Мы сами такие были! А когда жениться будете – а ведь обязательно будете (как без этого, вы же, не русские что ли?), – нас пригласите на свадьбу! Нет, лучше прям тут и отметим! Потому что вот – Юрец отменно на гармошке зажаривает, он вам и на свадьбе исполнит». Без всякого желания мы нажрались в дугу и уехали. Вернее, уползли, капая апельсиновым соком, вырывая рукава из цепких пальцев, обещая вернуться, зайти на днях... еле отдышались потом. А через несколько лет поженились... Но об этом позже, в следующих главах.

Так мы гуляли-гуляли, а потом он пропал. Или я пропала. Как-то естественным путем. Я в техникум пошла, завела Сашу. Ну, и забыла про жениха. И вот, сижу я дома, значит, и звонит мне подруга... Та самая, которая встречалась с Алексом до меня.

– Что делаешь, как дела?

Я говорю:

– Блин, задолбалась, работы нет, перспектив никаких... Хочу уехать.

А она говорит:

– Слушай, а Алекс-то наш собрался в Данию уезжать.

Я прям замерла даже:

– Ну, ни чо себе! Как ему это удалось?

Она говорит:

– А! Такая хрень: музыкальный фестиваль был – Next Stop называется. Приезжали в Россию музыканты западные. У них, как бы, гастроли такие были – в дикие страны, по Восточной Европе, и заезжали они в Питер и в Москву. Какие-то группы, даже не помню. А наши, которые у них играли на разогреве, молодые рок-музыканты – Die Schwarze Katzen, Амнистия, например, с ними зазнакомились. Естественно, попросили их вытащить, сделать им приглашения.

– И че, сделали?

– Ага!

Иностранные друзья пообещали нашим спасение, бухнули вместе и уехали. Все посмеялись. Но прошел год, и неожиданно наши получили приглашения. Ребята уехали и стали своих знакомых дальше вытаскивать, по цепочке. Кто-то из них даже получил вид на жительство. И наш Алекс (меломан же!) оказался во втором эшелоне этой цепочки. Я начала орать:

– Я тоже! Тоже хочу! Может, мне тоже кто-то сделает приглашение?

И тут она мне говорит сакраментальную фразу, которая изменила всю мою жизнь:

– А ты ему позвони, он на тебе женится... Он же тебя любит!

И когда я ему позвонила, я уже точно знала, что мне нужно. Мне бы только туда попасть! Вряд ли я за него выйду замуж, конечно. Главное, чтобы он мне сделал вызов. А уж там я разберусь, как остаться!

Пока мы договаривались встретиться «поболтать», я попала в женскую больничку с воспалением запчастей. Ну, холодно, там, то-се... Капроновые колготки, джинсовая юбка... Простыла, типа. В палате все лежали после аборт. Тогда домой сразу не гнали, еще недельку могли подлечить, проколоть витаминками. Легально и бесплатно. Врачиха – шикарная была тетка – курила «Беломор», беседовала исключительно матом, но дело свое делала как бог. Уехала потом в Америку. Вообще, аборт были чем-то вполне естественным, все поголовно делали их тогда, и никому в голову не приходило, что это – безнравственно... или антигуманно. Об этом вообще никто не говорил никогда. Неприлично – может быть. Или – для здоровья «не полезно». Для меня в какой-то момент было просто открытие, что аборт – это какое-то убийство. Лежали бабы взрослые, у кого уже и так было полно детей. А к молодежи относились немножко... с укором. Мол, самое время рожать, а вы не замужем! Мне было всего девятнадцать или двадцать, и было как-то постоянно неловко перед ними.

Ко мне туда все приходили в гости: мама, подруги, Саша с другом Пашей, а Алекс вообще жил через дорогу. Так вот совпало. И мне пришлось долго скрывать от него адрес боль-

нички, чтобы не столкнуть женихов лбами. Но пока я там отдыхала, Алекс уже готовился уезжать. Нужно было спешить. Он пришел перед самой выпиской – я позволила ему меня навестить. Был карантин, и я вылезала к посетителям в окошечко для приема передач. И не застревала, между прочим. А там – толпа гостей, включая моего бойфренда Сашу. Мы с ним были не то, чтобы в романтических отношениях... В общем, без соплей. Поэтому и не сразу видно было, что мы с ним что-то большее, чем друзья. За ручку не держались. Я, кстати, думаю, что просто у нас дружба такая была, в девятнадцать лет... с интимом.

Алексу пришлось подождать, чтобы все разошлись. Там, на дермантиновой банкетке в комнате для посетителей, он сделал мне предложение. Типа: «Я уеду, но как только окопаюсь, вызову тебя. И мы поженимся». Бинго!

С одной стороны, сомнения меня терзали, еще как! Но я была под впечатлением, что мне вообще кто-то сделал предложение. Прямо в больничке! Ведь это уже пахнет «серьезными отношениями», круто! Что ответить? Посоветоваться не с кем! Я взяла таймаут «до завтра». Пришла в палату: койки железные, как в старых советских фильмах, стены зеленые облупленные, бабы все в цветастых ночнушках.

– Ты че такая?

Я говорю:

– Слушайте, мне предложение сделали.

Они все:

– Ооо, поздравляем-поздравляем!

Я им:

– Да вы не понимаете, я его даже не знаю, этого человека, и вообще он скоро за границу уедет!

– Ооо, поздравляем-поздравляем!!

– Да нет же, у меня есть другой!

– Ооо, круто-круто!!!

– Да вы не понимаете, он мне не нравится...

Тишина... и самая старшая тетка говорит:

– Спать ложиться будешь – свет выключай.

Все! Это тоже была очень важная фраза для осознания. Я подумала: действительно, с лица не воду пить, какая разница... человек-то неплохой, стерпится-слюбится, надо попробовать. И поэтому назавтра ответила ему: «Да». Хочу напомнить, что мы с ним ни разу – ничего. Я вообще, жила с другим. Но этот вопрос мы обходили стороной. Он не спросил, я не сказала. Как уж он на мне собирался жениться – только ему одному было понятно... У нас оставалась еще пара дней до его отъезда. И как только меня выписали, мы поехали к нему «в гости». Надо было попробовать по-бырику: ему же уезжать пора!

По дороге в такси он мне рассказывал, что губы красить ни к чему, они у меня и так красивые. Ну, не любил чувак помаду жрать. Самое смешное, что я, конечно, фрик. И нарядилась для этого случая. У меня были всякие бабушкины крутые вещи, но термина «винтаж» еще не было. Просто

мне казалось, что я в них дико стильно выгляжу. Были у меня старинные панталоны такие, сшитые... не трикотажные, а сшитые из тонкого батиста с кружевами – все дела. Типа, по колено. Я даже ногти накрасила, как могла. Как забор – валиком. Старалась. В общем, приходим, а там и квартира такая же, как эти панталоны, и койка такая же железная, как в больничке. И на ней даже сидеть ужасно неудобно. На контрасте сыграть не вышло. Он, конечно, очень удивился, когда увидел мои секси-трусики. Все-таки он не настолько сумасшедший был, как я. Вообще, он плохо меня знал. Надо бы ему было присмотреться, прежде чем предложение делать. Что это было, зачем? Короче, мы все как-то проделали и он уехал. А я забыла о нем даже думать. И вдруг...

Глава 7

**Письмецо в конверте, телефон
на улице, билет в один
конец, незнакомая деревня,
разочарование, деревенские
свингеры и странное замужество.**

Приходит по почте письмо. Бумажное, конечно. С волшебной заграничной маркой. Не вскрытое, с целыми углами. Полный восторг. Датская почта – одно из величайших достижений человечества и их национальная гордость. Как русский балет. Она как-то умудрилась пробить воздушный коридор во льдах вечной мерзлоты русской реальности.

«Дорогая Лола, я тут сижу в лагере для перемещенных лиц. Называется Refugee Camp. Здесь очень прикольно. Здесь такие люди, что про каждого роман можно писать. И каждый должен доказать, что его преследуют у себя на родине. На национальной, религиозной или сексуальной почве. Доказать это нелегко, поэтому вид на жительство дают мало кому. Кого-то действительно преследовали, но, в основном, все приехали за сытой жизнью. К каждому приставлена „контакт-персона“ – помогать адаптироваться, но на самом деле – шпионить. Работать нельзя, но кормят бесплатно. Дают карманные – в обрез, едва на сигареты хватает. У меня очень грамотная „телега“ и хорошие шансы. Как только я получу вид на жительство, я тебя сюда вызову.»

Я не особо поняла почему нужно врать, что тебя преследовали, а нельзя честно признаться, что приехал пожить «как человек», что такое «телега» и как дают вид на жительство. Но письмо было многообещающим. И вполне официальным, без интимностей. Я его тут же показала всем-всем-

всем, а также бойфренду Саше. И даже сама себя немного обманула: начала думать, что Алекс вызовет меня просто так, чтобы помочь. И замуж выходить будет не обязательно. Никто же меня не заставит! Будем дружить, панк-рок слушать...

И вот мы все радуемся перспективам, дружбе и доброте человеческой. Читаем это письмо, из рук в руки передаем – ничего себе событие: письмо из-за границы! Фетиш, а не письмо. Через какое-то время приходит еще одно:

«Я получил вид на жительство. По еврейской „телеге“. Потому что на родине меня преследовали, били и пытали. Если что, подтвердишь. Сейчас все оформлю и женюсь на тебе.»

Внутри у меня похолодело и возникло стойкое чувство, что авантюра началась.

Мы договорились держать связь по какому-то странному телефону: с 7 до 9 по четвергам. Это сейчас все просто: мобильный кинул, на всякий случай – скайп или почту, а лучше просто в фб... А тогда – только домашний телефон. Как потом выяснилось, эта опция в Дании сильно платная, практически – роскошь. А у Алекса не было даже постоянного адреса. Поэтому мой жених дал мне номер одного из уличных телефонов-автоматов. Где-то на вокзале, где часто бывал. Входящие – бесплатно. Позже я была поражена, когда впервые увидела, как на пустой датской улице разрывается звонками одинокая телефонная будка... И никто ее не ван-

далит.

Конечно, была вероятность, что меня никто не встретит. Что-то произойдет, и Алекса не окажется в нужное время в нужном месте. И тогда я одна буду бродить по незнакомому городу. Но меня это совершенно не пугало, наоборот, даже интересно. Пугало это мою маму, которая заходила в мою комнату в слезах и причитала, что не увидит, как ее дочь выходит замуж. Надо было видеть эту картину, конечно... Комната у меня была интересная: из бывшей детской переоборудованная в фотолабораторию. Там было темно – окна заклеены черной пленкой и черным крашеным шкафом отгорожена кровать от рабочей зоны. Там я спала днем, а ночью проявлялась и печаталась на старом «Крокусе» под непрекращавшееся радио «SNC», лучшее радио тех лет. У меня царил антисоветский хаос, тьма и мистика восстановленного серебра. Обычно к двум часам дня мама не выдерживала и врвалась с криком «Сколько можно спать?» и «Разве можно так жить?». Чтобы снять сглаз, у меня перед входом стояла белая хоккейная маска: когда дверь открываешь – на тебя сразу смотрит эта дикая морда, с пустыми глазницами, без рта. Все остальное в комнате было абсолютно черное. И вот теперь мама заходила робко, даже стучала, но переживала пуще прежнего: «Куда ж ты едешь-то, господи? Как же у тебя там жизнь сложится!» Я, конечно, утешала ее, как могла: «Мам, ну ты чего, я замуж еду выходить! Ты должна радоваться». На что у мамы начиналась вторая фаза: «Замуж!?

Я даже не знаю за кого! Я тебе приданое же собирала всю жизнь... Вот, возьми приданое!» И она принесла в мою нору старомодный сверток каких-то белых тряпочек. Я отмазывалась: «Мама, ну куда ж я возьму? У меня с собой маленький чемодан!» В итоге она все же впендюрила мне минималку: ночную рубашку невесты – белую с кружевами, чисто свадебную. Сейчас бы я от такой рубашечки не отказалась. Но тогда я ее демонстрировала, вызывая приступы циничного хохота у молодых укурков. Ржали над архаичным понятием «приданое». Да и над самой ситуацией – «русская невеста едет в Европу и везет с собой символ непорочности». Весьма неуместная сентиментальность в таком авантюрном контексте. Контекст маме я не озвучивала. Зачем?

В итоге я с этой рубашкой, с комплектом фотоаппаратуры, в единственных своих джинсах вылетела в никуда. Все сложилось. Честно говоря, я даже не знала, что такое Дания и чем она отличается от какой-нибудь Норвегии или от Швеции. Вообще представления не имела. И узнать подробнее тоже как-то не удосужилась. Можно было бы в библиотеку, например, сходить... Только бабушка – которая была женой дипломата (о ее платьях я уже рассказывала раньше) была когда-то там «по линии дипломатической миссии». Она мне рассказала, по воспоминаниям сорокалетней давности, что Копенгаген – грязный портовый город, поэтому там полно моряков и проституток. Все с татуировками и очень бедные. И холодно. И сыро. А еще там сидит на берегу русалочка

Андерсена. Меня все это вполне устроило. Теперь, повзрослев, я знаю: мне нравилось все неизведанное. Нравилось питать иллюзии. Искать приключений своей пятой точке. Я ехала туда, представляя себе какую-то абстрактную «Европу». И это – не Болгария, это, блин, Дания! Что уже – очень круто. И я представляла себя в «Европе», модную: с рюкзаком, в белых джинсах и в «казаках»... Я бы обязательно ехала в поезде дальнего следования по этой самой Европе, закинув ноги в этих самых «казаках» на сиденье напротив. Красиво так. Борзо. Так я представляла себе Данию. Вернее, себя в Дании. Серьезно, в общем, подготовилась к иммиграции.

Подлетаю я на самолете к Копенгагену, и вижу из окна, что там какая-то деревня подо мной... просто голимая деревня! Шок! Я думала: сейчас будут небоскребы, автострады, неоновые рекламы... А тут – просто маленькие домики и морское побережье. И я подумала: «Ё-моё, куда я попала, где же цивилизация?!»

Алекс меня встретил, конечно. В кепке и клетчатой рубашке, без цветов. «Привет!» – даже, как-то без особых эмоций. Я была уверена, что там целый оркестр должен стоять, как минимум. Он взял мой чемодан, и мы потащились на автобусах и электричках в город Роскильде, довольно далеко от Копенгагена. Оказалось, эти «чертовы датчане» уже тогда были помешаны на экологии и аэропорт построили за чертой города! В России про экологию тогда никто и не слышал

еще. У нас такое неудобство, как отдаленный аэропорт, могло объясняться только мизантропией градостроителей. Нам пришлось доехать до Копенгагена на автобусе, сесть на вокзале на поезд до Роскильде, час ехать до Роскильде и еще на автобусе минут двадцать до дома. И везде – тишь, гладь и божья благодать. Я была как во сне. Чего ради я приехала?

– А где же небоскребы?

– Ты не поверишь, нет ни одного небоскреба в Копенгагене. Здесь – большая деревня!

– Как, нет ни одного небоскреба!! А сити есть?

– Нет, ну есть, конечно, старый город и центр, но город маленький совсем! – И каждая следующая фраза – как нож в сердце: – Мы будем жить в Роскильде, а Роскильде – это второй по величине город. Ну, как Москва и Питер. Хотя Роскильде даже десятой части Питера не занимает, но по значению – вторая столица.

Я еду и думаю: «Пресвятая Богородица... Вообще какой-то кошмар... Братислава и то круче». Я приехала в гораздо более провинциальный город, чем Москва, ни разу не Нью-Йорк... Какой-то заштатный городок, в который туристы ездят замок посмотреть! Такое у меня было впечатление. И когда я уже совершенно скисла, он мне говорит:

– Ну, сейчас отдохнем, а вечером можем в город поехать. Два клипа сделаем и поедem.

А чувак, надо сказать, из киношной среды, папа – оператор. И у меня будто луч солнца в душу попал:

– Два клипа сделаем! Что, прям сядем и сделаем? Круто! А на чем ты их делаешь дома? Или студия есть?

Я начинаю эти вопросы задавать, а он так смотрит на меня с жалостью и говорит:

– Да нет! Это когда билеты кощаешь в автобусе – они делают так: clip-clap, и это – один клип. Один у тебя, один у меня – сделаем два клипа.

И все. И меня, конечно, заморозило после этого.

В итоге мы приезжаем в какой-то отдаленный, на окраине даже этого Роскильде, новый дом на отшибе – четыре этажа и два подъезда. У Алекса там была однушка, с кухней в коридоре. И в окно виден бесконечный горизонт, уходящий в море. И ветряки рядами. И больше ничего. Тоска. Почему-то я тогда эту красоту не оценила.

– А где люди? А друзья-то у тебя тут есть? А русские тут еще есть?

И он говорит:

– Да, нет особо. Надо с датчанами общаться, зачем тебе тут русские? У нас тут соседи есть русские. Они, правда, не москвичи, а из Мурманска. Ну, по «голубой телеге», поэтому вдвоем живут. У одного недавно девушка появилась, только – тсссс!

Во, думаю, безнадега...

– И есть у меня тут еще подружка, она тебе приглашение делала. Она – датчанка. Я ее попросил по-соседски помочь. Пойдем ей спасибо скажем, поздороваемся, познакомимся.

Я думаю: «О, круто! Соседка, наверное, модная девушка, раз Алекс с ней общается».

Я тогда не понимала, что можно общаться и с обычными людьми. С соседями. Здраваться с прохожими. Как-то в Москве, в спальном районе, где я росла, в окружении соседей-алкашей и гопников с арматурой, это в голову не приходило. В общем, мы заходим, и я вижу next door girl. Серенькая такая, обычная девушка. Неухоженное, взъерошенное существо в пижаме: соседка. Долго знакомились: «Май нейм из...» Я извелась. Самое интересное, что в ее квартире было, это две шиншиллы, про которых она взахлеб рассказывала, как много они трахаются. После чего мы плавно перешли к сексу и свингерам. И тут неожиданно она говорит:

– Ой, да, я регулярно хожу на вечеринки свингеров! Если вы хотите – присоединяйтесь.

Я, конечно, модная девушка была, но тут меня порвало на части. Когнитивный диссонанс: такой образец лошизма – и ведет такую активную сексуальную жизнь! Да еще и на мою посягает... Не то что там какие-то подмигивания эротические, а банальный инвайт.

– А-а-алекс...?

А он:

– Да не парься, тут все так.

– Прямо все?

– Ну да, я тебе потом расскажу, тут такая свобода нравов. Просто ей не с кем трахаться, у нее нет бойфренда, вот она

и ходит на вечеринки свингеров. Платит 100 крон и заходит. Мальчикам – 200, девочкам – всего 100.

Ё...

Ну а что? Соседи, надо жить дальше. После этого мое прогрессивное мировоззрение и сексуальная раскрепощенность «а-ля рюс» померкли на фоне всеобщей толерантности к этим вопросам. И я поняла: секс в здесь не был чем-то особенным, романтичным... просто процесс, как еда и сон. Бытовуха.

Короче говоря, начинаем мы жить в этом Роскильде, в однушке. И как-то, само собой, спим в одной кровати. Потому что она одна в квартире. И нет даже сквота никакого, где я могла бы перекантоваться ради приличия. Ну и... спим вместе. Раз тут так положено, раз такая бытовуха. Без розовых соплей. Он мне показывал город, мы пили много пива – Carlsberg и Tuborg, что было нашим единственным развлечением в принципе. И тут он мне сказал: «Все, конец месяца, деньги кончились. Я же на пособие живу. И так – очень мало, а тут еще ты! Надо нам срочно жениться или тебе сдаваться в лагерь для перемещенных лиц – просить азиюль. А то жрать уже нечего». «Азиюль» – это *asylum* – убежище. То есть просить политического убежища. Придумывать телегу, идти в полицию, доказывать куче серьезных людей, что я подвергалась политическим или каким-то другим преследованиям... А я им не подвергалась... А потом еще сидеть год без всяких гарантий на положительный результат. И, конеч-

но, искать другого мужа, чтобы «зацепиться» и избежать депортации. Вот такая постановочка вопроса. Как честный человек, он мне предоставил выбор. Но я уже за эту неделю столько ужасов про лагерь наслушалась, так уже булки на пиве расслабила... Как же, я думаю, я там буду мыкаться? У меня же на морде написано – хорошая семья, искусство, инфантилизм. Россия, перестройка, колбаса. Надо сказать, в девяностые все девушки в Москве мечтали найти «спонсора», то есть человека, который готов был бы ее содержать. За секс. Иногда еще это называлось «личный секретарь». В объявлениях о найме даже поясняли: «секретарь без интима». А если так не написано, значит, с интимом. И это – не просто нормально, а круто. А уж замуж выйти за «иностранца» – это вообще, решить сразу все свои проблемы до третьего колена. Не то чтобы это аморальное явление меня коснулось, но кое-какие прицелы сбило. Так что я, недолго думая, выбрала роль жены. А что, попробую! Может, будем хорошей парой!

Глава 8

**Русские люди в датской глубинке.
Люди и телеги. Секс ради брака,
брак ради пособия по бедности.
Свадьба и кровавые следы.
Приличные люди и кастрюли.**

Мы жили в однушке в ебеньях. Общались с соседями из Мурманска. Мурманчане были отличными соседями и довольно brutальными парнями. Назову их Раффи и Леца. Леца – такой блондин коренастый с голубыми глазами, простой мурманский парень, эдакий мичманок. А Раффи – высокий и худой казах с длинными волосами, чисто индеец.

У нас у всех были клички, мы же жили как настоящие подонки! Это позже в Москве появилась мода на слово «падонок» и все составляющие этого понятия – жизнь без денег, рок-н-ролл и автостоп. А тогда мы создавали этот культурный феномен своей собственной судьбой. Переосмысливая этот неожиданно клевый образ жизни.

Меня звали «жена Алекса», и я понимаю почему. Потому что, когда он меня с кем-то знакомил, человек всегда удивлялся и переспрашивал: «Жена?» Это был очевидный нон-сенс в нашем возрасте. Да и мы не сильно подходили друг другу... Все спрашивали: что вы с Алексом делаете вместе? Мы не делали вместе ничего.

Леца и Раффи мечтали стать рок-музыкантами – и стали в конце концов. Станным каким-то волевым усилием, как будто сами себе придумали челлендж. Никакой особой любви к музыке или характерной симптоматики рок-звезд я у них не наблюдала. Впрочем, не мне судить.

Потом я еще встретила там такого же художника. От ума. Он решил стать художником, потому что ему папа посовето-

вал выбрать наконец какую-то профессию. А кем еще можно стать половозрелому хипану без музыкального слуха?!

Когда я познакомилась с будущими рок-звездами, они открыли мне свой скелет в шкафу: их «голубая телега» могла в любой момент дать трещину. У Раффи появилась девушка. Мурманчане получили свой ВНЖ, как два романтических голубка. Их проклинала Родина и порицала толпа. Дания их пригрела, поддержала и поселила в экологически-чистой глуши. Счастье. А тут... Говорят, как-то на Новый год Раффи нажрался и приставал к некой Плюхиной. Коварной и прыщавой, как утверждал Леца. Но питерская девочка Юля Плахина была очень даже ничего. Она тоже приехала, как я, попытать счастья. А тут красавец Раффи. У них едва завязалась романтика. Этого хватило, чтобы все заметили. Леца заволновался, что эти отношения выйдут из-под контроля, гейская телега потерпит фиаско, и их вышлют на хер, на Родину. Но мы ржали, что он просто ревнует... Нам было сложно представить, чтобы мурманские парни были истинными геями. Они рассказывали, что у них зимой вдоль улиц натянуты тросы, чтобы людей ветром не сдувало. Сугробы такие, что улицы напоминают траншеи, в которых гибнут алконавты. А пьют все и все время, чтобы не замерзнуть. Для нас, москвичей, этого было уже достаточно, чтобы считать мурманских героев заслуживающими датского убежища. Но датчане (смешные!) говорили: «Если у вас так все живут, то почему именно вас мы должны спасти?» Да по-

тому, что мы вырвались! Мы – такие нежные – не смогли мириться с такой действительностью. Мы убежали и просим вас помочь! Мы уже – предатели, раз отвернулись от Родины и ее трудностей. У москвичей нет колбасы, у мурманских – заносы, у питерских штукатурка в сквотах прямо на голову падает... И никаких, знаете ли, перспектив. Разве этого не достаточно? Но тут начинался cultural clash:

«Вы должны сами решить эти проблемы, своими силами!» – «Да у нас денег нет, совсем!» – «Так идите на работу!» – «Так, и работы нет!» – «Но у вас перестройка! Скоро все наладится, ваше правительство делает все, что в их силах...»

И, чтобы избежать всей этой демагогии, датчан легко кормили тем, что они сами хотели. Геи? Да, мы тут все геи! Антисемитские пытки? Пожалуйста! Религиозное меньшинство? Да, мы ортодоксы... Не подходит? Ладно, зороастрийцы! И хотя, люди ввали, это считалось даже более честным, чем брак. Некоторые восточноевропейские мальчишки охмуряли датских девушек и женились на них ради визы. И это не было фиктивным браком, а просто обманом на доверии. Девушки плакали, но не разводились. Наверное, проявляли благородство. А может, любили. Потом парни, получившие свои пятилетние визы, испытывали двойной дискомфорт. Теперь они становились лакомым кусочком для других. При этом на каждого такого «датчанина» шла конкретная охота. Пользуясь случаем, выражаю свою искреннюю признатель-

ность Алексу за то, что он тогда отважился на мне жениться.

Я всегда говорю, что фиктивно вышла замуж. Но формально, о фиктивном браке мы договорились не сразу. Сначала это была какая-то кривая, но честная попытка... потому что ни он, ни я не представляли, что вообще люди в браке делают. И зачем нам это обоим, тоже было непонятно. Мне это надо было ради визы, а ему – ради большого «семейного» пособия», чтобы не работать и покупать наркотики. Так он говорил. Но, похоже, это была бравада, я ему просто нравилась.

Но очень скоро он начал меня напрягать. Его четкий вектор на наркотики был слишком смелым. Он как будто собрался совершить идейный прорыв и проверить на своей шкуре силу сатанинских заклинаний. Космонавт-одиночка. Не смотря на кажущуюся безбашенность, у меня сразу включился инстинкт самосохранения.

Почему-то он решил, что именно я смогу сопровождать его в этом путешествии. Довольно скучном, кстати говоря. Когда наркотики становятся главной и единственной целью в жизни, спадает весь флер. Алекс был парнем весьма прагматичным и гордился этим. Даже слабый луч романтизма пресекался безжалостно. Как в жизни, так и в наших отношениях. У нас это называлось «без соплей». И устраивало обоих.

А датчане, наверное, считали, что все русские долбанутые, женятся после первого траха. Здесь действительно

все женились скоропалительно. Просто так было выгоднее. И не так одиноко в чужой стране. Зато взрослые женатые люди практически все разводились, им, наоборот, было легче по одиночке... Странно, но факт.

Буквально через месяц я уже так разочаровалась в нашей затее, что начала подумывать: не вернуться ли обратно. Но поворачивать назад казалось малодушием. Вид на жительство был для всех фетишем, сверхзадачей, ради которой люди страдали, унижались, врали и предавали. А я, понимаешь, дать не могу пару раз...

Трахаться без любви не всем дано. Ну, сильно не прикольно. Хоть это и малая плата за вид на жительство, я явно не справлялась. Думала, что смогу. Но не смогла. Глупо было бы признаться ему в чем-то таком... Через некоторое время я начала закрываться в ванной и врать, что у меня опять критические дни и вообще голова болит. Даже немножко всплакнуть приходилось.

Да и в остальном... мне было чудовищно скучно после бурной московской жизни, тусовок с художниками. Алекс вообще-то парень умный, поговорить мог о шахматах, о политике, но как-то мне все это было не близко. Не думаю, что он тоже мог быть со мной счастлив. Несмотря на все это, мы решили пожениться. Так было надо! Нам нечего уже было жрать.

Итак, мы подали заявление. Расписывали нас в понедельник в здании центральной городской ратуши – Rådhus. Надо

было прийти в 9 утра. Накануне Алекс сказал, что у них тут все строго и нельзя опаздывать. И я немножечко удивилась: «Странно, это же наша свадьба! А они нам условия диктуют...» Такой вот детский сад. И вот, утром, на нашей микрокухне, я пытаюсь сделать яичницу из последних двух яиц и говорю:

– Слушай, а в чем мне замуж-то выходить? У меня же белого платья нет.

Он говорит:

– Ну и слава богу, все эти предрассудки советские, эти белые платья – говно полное. Иди в чем есть, вот я в джинсах буду.

– Нет уж, я хоть чуть-чуть наряжусь! Фрик я или нет? Все-таки, неплохой повод...

У меня была длинная юбка дикой расцветочки, какая-то черная кофта, типа болеро, и кепка а-ля Гаврош. Но гвоздем программы были бабушкины туфли – дипломатическое наследие. Бархатные, на каблукке «рюмочкой», с длинным мысом: огонь! Я на каблуках, в принципе, и сейчас не хожу, а тогда тем более. Но это же свадьба! Короче, пока я в этих ретротуфлях допрыгала до автобуса – а мы жениться ехали на городском автобусе, естественно, а не на лимузине, – я себе ноги стерла до волдырей. Жестокие туфельки оказались. Мне пришлось их по дороге снять и босиком ехать жениться. Мы уже опаздывали на собственную свадьбу жутким образом. Туфли я не смогла надеть на свои мозоли и как есть,

босиком, побежала от автобуса к зданию Rådhus. Это все-таки центр города, какой бы маленький он ни был. А датчане очень любят гулять и пить пиво. И, естественно, какой бы город чистый ни был, после выходных остаются бутылочные осколки. Уже на центральной лестнице, перед самым входом в такое солидное госучреждение, я грязными босыми ногами напоролась на осколок. Вытащила и поскакала на одной ноге дальше. Нас уже тревожно ждали у входа две дамы в лиловых мантиях. А за мной – кровавые следы от босых ног. А что делать? «Ну вот, – говорю, – кровавая свадьба! Плохой знак». Мы вбежали в хоромы: высокие потолки, деревянные двери, стиль – готический. Музыка, золоченый обрез в книге для росписи. Официальные лица вокруг улыбаются: «Мы вас поздравляем! Можете поцеловаться!» А мы такие: «Нет, мы не будем сейчас, мы дома. У русских это не принято, мы – народ застенчивый». В общем, подарили нам две рюмочки для водки, на которых было написано «Roskilde». И мы, счастливые, прижимая их к груди, побежали в другую контору – за баблом. В общем, ради чего вся эта женитьба и затевалась. Недорогая авантюра.

Пока ты не знаешь датский язык, ты – бельмо на глазу. Несчастный приезжий, «не-датчанин», варвар... Но, главное, ты не можешь официально устроиться на работу. А неофициально тебя еще и не очень-то берут. Никто связываться не хочет. Так иммигранты и жили из года в год: учили язык и искали работу. Статус – arbejdsløse. Пока ты без-

работный, ты получаешь пособие. Даже не по безработице, а по бедности. Там, правда, это по-другому как-то называется, деликатно. Ибо по безработице ты получаешь, если у тебя перерыв между работами, и это пособие как-то высчитывается, в зависимости от твоей бывшей зарплаты. И оно всегда небольшое, поэтому у тебя есть стимул идти работать опять. А вот всякие подонки, психи, инвалиды и приезжие сразу получают хорошее пособие – 3000 крон что ли. Если не ошибаюсь, это под 1000 долларов тогда было. Не бог весть что, но ты спокойно можешь на эти деньги жить и плевать в потолок: есть, передвигаться на общественном транспорте и покупать убогие шмотки в дешевых магазинах. Ты даже можешь умудриться что-то откладывать и триумфально купить соковыжималку через полгода. А в начале этой сногшибательной карьеры дают подъемные. Еще тысячи три. Они-то, собственно, и понадобились Алексу, потому что был конец месяца, а он уже все просрал на сигареты с пивом. Мало того – женатые получают сумму чуть больше, чем холостые. И, когда женишься, тебе дают не только подъемные, но и сразу два пособия – на мужа и на жену. Единоновременно выходит приличная сумма денег. И в подарок – мешок говна от государства. То есть реально дают две подушки, две одеялки, набор кастрюль, набор ножей и т. д.

Нам очень хотелось быстрее пожениться. Мы просто сгорали от нетерпения, как настоящие молодожены. Нервничали, пока сидели в конторе – что-то вроде гламурной та-

кой социальной службы – «помощь беженцам» (flygtninge hjælp). Там все очень искренне радовались за нас, поздравляли. А мы чувствовали себя такими циничными и ушлыми мошенниками. Типа тех, которые в это время в развалившемся СНГ приватизировали заводы. Я прям по списку ставила галки, что нам надо: все нам надо. Мы набрали всего. И добрые люди из «помощи беженцам» обещали все это нам привезти на газели в новую квартиру. Квартиру мы попросили в Копенгагене. В центре. Как приличные люди – в престижном районе. А на подъемные – купили музыкальный центр. Алекс резонно сказал: «Ну, не на курорт же нам ехать в наш медовый месяц?» После этого, я неожиданно поняла, что весь бюджет сосредоточен в понятно-чьих цепких лапах. И, похоже, я не имею на него никакого морального права.

Глава 9

Квартирный вопрос, знакомство с жизнью: Христиания и Истед-геде, начало долгой и некрасивой истории.

Ну, поженились мы и ждем прихода – квартиры в центре Копена. Система следующая: в каждом датском городе есть несколько Kommuner – «коммун», по районам. В те годы в Дании насчитывалось почти 300 коммун, не считая Гренландии и Фарерских островов. Они занимаются всем – школами, больницами, дорогами и жильем. Такие супер-ЖЭКи. Люди, которые хотят сдать свои квартиры, сдают их только через коммуны. Наш «Флютнинге йелп» (flygtninge hjælpe) связывается с коммуной, и она выделяет нам подходящую квартиру. Если ты – одинокий молодой человек, то на жилье тебе много не дадут. А если взрослая тетя с четырьмя детьми, то дадут гораздо больше. Но не на руки, а проведут мимо тебя, через коммуны. Такой вот развитый капиталистический коммунизм. Только очень долго. Датская бюрократия дает фору любой советской бумажной схеме. На любом этапе о тебе могут забыть, потерять документы, сменится куратор или переедет контролер... и, все – копец, начинай сначала. Говорят, это редкость, но именно с русскими бывали такие казусы. Наверное, мы просто где-то ловили тупака. Итак, ждем квартиру, газельку с кастрюлями и подъемные на хозяйство. Ежемесячное пособие мне выписали на банковский счет новоиспеченного мужа. А я что? Мне ничего не нужно! Крыша над головой, пара бутеров и пиво, и я счастлива. Конечно, купили мне джинсы. Зачем русские ехали за границу? За джинсами!

Потом Алекс начал показывать мне мир. Весь мир был сосредоточен в двух местах города Копенгагена: Христиания и Истед-геде.

Христиания произвела неизгладимое впечатление. Вос-торг. Свобода. Всевозможность. Настоящее государство в государстве, точнее – город в городе. Это сейчас нико-го не удивить маленькими хипстерскими закусочными или панк-магазинами. А тогда, напомним – в девяносто втором году, после Рашки, я была сражена тем, что бывают такие места и там – ТАКОЙ бизнес... Как будто я попала в детство и играю в магазин. И при этом обкурилась. И все вокруг иг-рают – кто во что, целый город взрослых людей. Никто не на-прягается, не приходит к 7 утра в офис и не надевает для важности часы Philippe Patek, потому что все вокруг обку-рились. Обычный городской автобус останавливался прямо перед деревянными воротцами, мелодичный голос в салоне и световое табло над дверями объявляли: «Христиания». Ре-спектабельный район, канал с дорогими яхтами, среди по-строек современной архитектуры и «элитного» жилья эти воротца выглядели как портал в космос. Космос начинался с сельского вида ярмарочной площади, на которой продава-ли фалафель, амулеты и индийские благовония. Я купила. Я еще не была в Индии, и ценность этой лабуды была тогда для меня несомненной. Дальше шла протоптанная туриста-ми грунтовка вдоль грубо сколоченных навесиков, где оча-ровательные дредастые подонки всех цветов кожи продава-

ли стаф. Гаш лежал плитками на высоких барных столиках около каждого торговца. Люди непрерывно крошили и крутили. Вечером на каждом столе горела свечка в пластиковом стакане с песком. Тут брать было нельзя, это – говно для туристов. Хотя один знакомый черный, стоявший всегда в конце этой шеренги, пихал неплохой марокканский. Но мы шли дальше, в Månefiskeren или Nemoland. Это как бы локал-кафешки. Там был супернепритязательный и вместе с тем крейзи-дизайн... И все свои. И если ты – турик, то на тебя все оглядываются. Нужно было купить кому-то пива или угостить косячком. Или уже знать кого-то и с озадаченными щами спросить: «А Поль здесь?» – «Нет, он уехал к друзьям в Амстер на месяц / к родным на Фюн на полгода» – «А-а... ну ладно, покуришь со мной?» И тогда, быстро став своим, можно было услышать удивительные истории о местных проблемах, полицейских рейдах и коварстве друзей, которые начали юзать тяжелые наркотики. Местные проблемы обычно касались отсутствия денег на коммунальные нужды, нехватки жилья и вывоза мусора. Полицейские рейды напоминали клоунаду. Это позже, лет через десять, поменялась власть в датском парламенте, и Христиания сразу превратилась из милого социального эксперимента в язву на лице общества. А тогда полицейские ограничивались декоративным вторжением на Пушер-стрит. То есть, курить там было можно. Официально. А вот, продавать нельзя! Пушеры кидались в рассыпную, ныкали свертки в кустах и ки-

дали камни в полицейских. Мальчишки смеялись, собаки лаяли. Другое дело – грустные рассказы о сторчавшихся друзьях: «Говорил я ему...!» На входе в Христианию на всех углах и на главных зданиях, таких как «концертный зал» Loopen (там, между прочим, сильнейшие команды выступали – Sonic Youth, например), висело серьезное предупреждение: «Здесь, на территории Христиании, вы можете употреблять только растительные препараты, меняющие сознание. Любая химия – кокаин, героин, лсд и etc – запрещены. Если кто-то будет замечен в состоянии под воздействием – вышвыриваем, без предупреждения». И в этом был высший смысл. Идеология. Мы видели: реально вышвыривали. И достаточно регулярно. Я долго, еще годы верила в справедливость этой установки, и она меня спасла. А еще я верила в существование мифического наркотика etc... Даже искала его... А тогда, покурив, бродила по очаровательным закоулкам этого волшебного города. Тут был магазинчик эконо-еды, парикмахерская, детский сад с лихими мамами на трехколесных великах в полосатых шароварах или кожаных штанах, кузнечный цех, художественные мастерские, пара дискотек и множество магазинчиков «модной одежды». Играли детишки. Резвились собаки. Большие алабаи, овчарки, бультерьеры... Все псы были на редкость добродушные и соревновались исключительно в количестве погубленных бабочек и слизанных с хозяйского стола кропалей. Пусть даже не рассказывают мне о бойцовских породах разные там говнокино-

логи. Больше всего мне нравился дом в виде пирамиды, одна сторона которой служила входом и поднималась наверх простым лебедочным устройством. В середине пирамиды стояла печь, труба которой выходила в самую маковку пирамиды. Дом стоял напротив пруда, в доме жил старый француз с бритой налысо русской девушкой Зоей. Когда мы пришли к ним знакомиться, Зоя убежала и залезла на дерево. Оттуда она молча и злобно взирала на нас, пока мы не ушли. Не понравились мы ей. Хотя, если честно, нас в гости и не звали. Просто затащили друзья на расслабоне...

В общем, в Христиании было дико приятно. Туда я ездить очень любила. А вот первый визит на Истед-геде был для меня психотравмой. Это улица, которая ведет в никуда. От центрального вокзала, прямая как стрела, широкая как проспект, она растворяется в хаотичных редких постройках, заборах, арабских лавочках и разбегается в разные стороны невнятными переулками дешевых жилых кварталов. От самого вокзала начинаются стеклянные витрины секс-шопов, двери тату-салонов и публичных домов. Мясо. Здесь на каждом тротуаре лежат какашки, никто не убирает за своими питомцами. Владельцы питбулей – уличные пушеры. И те и другие – очень злые. Полицейская машина, а то и две, всегда курсирует туда-сюда по улице. Пушеров они знают в лицо. Иногда забирают. Но обычно просто следят за порядком. Порядок – основа закона. Или наоборот... Драться в Дании запрещено, за это сразу забирают в полицию.

Поэтому уличные разборки драгдилеров выглядят так: два здоровенных датских дядьки, с длинными хвостами, с серьгами, в бейсболках и кожаных штанах стоят друг напротив друга и выкрикивают хриплыми голосами в лицо друг другу проклятия. Ооочень громко. Лают собаки, собирается толпа. Но руки дядьки держат демонстративно за спиной: чтобы не махнуть с горяча. И полиция едет мимо. Датские проклятия – вовсе не смысловая аналогия русского мата. Про секс в Дании никто не ругается. Ругаются про веру христову. Поэтому, самое страшное оскорбление: «Во имя Ада!» или «Во имя Сатаны!»... А «Твою мать...» – это будни секс-индустрии. И эта индустрия на Истед-геде, как палатки с газировкой. Взял чек, зашел к другу, уделался, вышел, забежал в памп-стейшн, спустил пар и поехал домой к бабушке, оладьи с кленовым сиропом кушать.

Вот туда меня и повели – гулять. Ну, рвать мои совковые шаблоны, наверное... Зашли в первый попавшийся шоп. В глазах рябило. Цвет – желтый, оранжевый, розовый. В середине зала – пирамидка из коробок, классическая мерчиндайзинговая выкладка продукции. Наверху – член. Большой. Нет, очень большой! Единственная мысль в моем расфокусированном сознании: КАК же он куда-то... влезет? Задала этот вопрос Алексу. Он как-то смущенно ответил, что есть ведь женщины с ТАКИМИ, гм, чреслами....

«Нет, не может быть таких! Никогда, ни за что». – «Да? Не может? Пойдем покажу».

И мы зашли в соседнюю дверь – видеосалон. Видеосалон с кабинками: взял кассету и пошел с ней в приватную кабинку. В кабинке – кожаный диван, по бокам – два столика с салфетками и две высокие пепельницы для окурков. Но сначала нужно выбрать в общем зале видеокассету VHS. Полки на все три стены, до потолка. По алфавиту. Ходят какие-то люди, копаются на полках, как в книжном. И Алекс, гад, тут же. Боже-господи! Я же хотела казаться продвинутой... Раскованной... Но самое ужасное: я же – эстет! И что делать эстету в порновидеосалоне, среди всей этой пошлости? Когда секс – это романтика, спонтанность, сломанные рамки и риск доверия... А кругом – обложки с розовыми пиписьками и на них – улыбающиеся лица неизвестных мне кинозвезд... Очень опасно: цапнешь какую-нибудь зоофилию из любопытства, а Алекс будет думать, что нашел ко мне ключик... Я быстро сориентировалась и выбрала унылое кино с двумя прыщавыми, бритыми налысо подружками-лесбиянками. Надеялась, что будет эстетично. Было тупо и нудно. Там эти лесбиянки на большой кровати уныло, с серьезным видом два часа лизались, как на рапиде. Скучища, вообще! Но мой компаньон неожиданно завелся. Слава богу, что мы как малоимущие оплатили минимальное время пребывания. Минут пятнадцать, кажется. У нас просто вырубился видак и зажегся свет. На заверения Алекса в том, что нас никто отсюда не выгонит, тут же загорелась красная лампочка над дверью и раздался стук. Я вздохнула с облегчением.

У каждого человека от природы есть какие-то табу. И по моему, они зачем-то нужны. Точно не знаю. Но развратить женщину можно, только если она влюблена. Любовь делает из нее марионетку. Послушную дуру со взглядом коровы, готовую на все «ради любви». Она теряет достоинство и весь свой шарм. Как будто ее кот пометил. Поэтому главное – не влюбляться. Никогда! В этом и заключается современный подход к целомудрию. Когда мясо вокруг и всюду, невинность ничего не стоит, а телесная близость ничего не значит, главное – сохранить способность любить. Для того самого, единственного, с которым не страшно потеряться.

И так вышло, что это был не Алекс. Думаю, он чувствовал это. И ему было одиноко. А может, ему было насрать. Но главным его увлечением стали наркотики. Думаю, он уехал из-за них, а не из-за жвачки с джинсами. В Рашке люди курили шалу и варили винт по квартирам. А за границей можно было купить настоящий героин. И это было очень круто. Поэтому я несколько не удивилась, когда он признался мне, что уже пробовал. А после того, как я очередной раз отказалась выполнять супружеские обязанности, он сообщил мне, надевая трусы, что едет братъ. Как будто хотел вызвать ревность. И между прочим поинтересовался, братъ на меня или нет? Я сказала «нет». Тоже как бы между прочим. Но однозначно. Не он должен был стать моим первым в таком важном деле. Скажи я «да», это означало бы, что он меня развратил, а без любви это не возможно. Табу. Иначе,

мы заторчали бы как зайчики. И жили бы дружно, и умерли бы в один день. Можно сказать, меня спасло то, что я не любила мужа. Или наоборот, я не смогла полюбить Алекса, потому что он всегда был немного опасен, будто зачумленный? Короче, он поехал на Истед-геде брать чек, а я осталась спать в нашей холодной постели. И вспоминала фильм «Спрут» из своего советского детства, где капитан Катани влюбился в юную наркоманку Тити Пече Шалое. Все мои познания о героине были из этого кинофильма. И они были весьма романтизированы.

Когда ночью вернулся Алекс, с чеком героина и выкурил его с фольги в одно рыло, я спокойно спала. Я была рада, что он переключился с меня на наркотики. Вполне достойная замена. В принципе, тогда был переломный момент, все встало на свои места. До этого, у нас еще могло что-то получиться.

Глава 10

**Мои новые профессии, первые
шаги в социуме, шерстяная
кофта и билет в один конец.**

Потихоньку все становилось еще жестче. Денег почему-то опять стало не хватать. Начались мутные истории типа:

– Мне работать нельзя, потому что я «кормилец», социал выплачивают через меня. Если меня застукают, лишат пособия обоим. Но ты можешь подрабатывать. Например, можешь сидеть с каким-нибудь датским ребенком. Многие это делают. У меня есть знакомые, у которых есть ребенок. Да-да! И они готовы рассмотреть тебя в качестве кандидата в няньки.

Я долго брыкалась, говорила:

– Какая из меня нянька...

В детстве я присматривала за своим младшим братом, у нас разница девять лет. После такого опыта обычно никто не торопится заводить своих детей. Уж тем более, работать нянькой. Но со стороны Алекса было неслабое давление:

– Надо спасти ситуацию, денег нет, пойдем я тебя просто познакомлю с этими людьми.

Как альтернатива мне предлагалось еще одно занятие. Тоже очень популярное в тамошней русской среде: воровать в магазинах. Это типа не считалось зазорным. В этом даже была некая доблесть. Даже, какая-то социальная справедливость. Мы все, выросшие на идеях коммунизма, знали, что «нужно делиться». Мы впитали с молоком матери ощущение, что богатые все что-то «должны» бедным... И вдруг мы попадаем в чудовищно соблазнительную ситуацию: ты – да-

леко от дома, у тебя ничего нет, а кругом – чужие, у которых есть все. «У них» магазины ломаются от безделушек, а ты экономишь на хлебе. То есть: есть «ты», а есть какие-то «они». Они – безликие, они – враги. Мало того, ты – в новом месте, в какой-то искусственной среде, как будто во сне. И выстраиваешь заново все морально-нравственные ценности. И все критерии – только твои внутренние. Но главное, мне кажется, это ощущение безнаказанности. Что тебе могут сделать? Поймают, выпишут штраф и отпустят. Это знал каждый русский в Копенгагене. И каждый хоть раз делал это.

Здесь это напоминало какое-то зазорное хобби, рыбалку с элементом русской рулетки. Воровали все: молодые матери с колясками, питерская фарца, приезжавшая обносить магазины целыми бандами, бедствующие художники, молодежь, которой не хватало на гашик, «семейники» перед социалом... Нет, были люди и принципиальные, возмущенные таким положением дел. Перед ними было стыдно. Но недолго. Один мой суперчестный товарищ – Миша Лисицкий – признавался потом, что в особо голодные дни он ходил читать в Датскую королевскую библиотеку, где стояли автоматы с чаем и кофе. Сахар в них был бесплатным. И мой товарищ пил кипяток с сахаром, но не воровал. Я бесконечно уважаю такое отношение, снимаю шляпу и больше не хожу к нему в гости – мне неловко.

Остальные решали вопрос более прозаично. Не от хорошей жизни. Но и не от плохой. От отсутствия идеалов в ду-

ше. Народ обносил магазины. И мой муж первым делом счел себя обязанным обучить меня этому нехитрому ремеслу. Практически через неделю моего пребывания в стране. Я была поражена. Я засмеялась и сказала: «Ты что, я из интеллигентной семьи!» Ха-ха.

Короче, я решилась поехать наниматься нянечкой в датскую семью. Мрачно. Это была окраина города, где только «сабурбан мамы» снуют на своих минивенах за памперсами: до супермаркета и обратно. Заходим в квартиру и я сразу испытываю стресс: люди реально в два с половиной раза больше нас с Алексом. Под два метра ростом, толстые и румяные. Разговаривали они, естественно, только по-датски. По-английски они говорили хуже меня. Простые такие ребята, работяги. И если Алекс еще что-то понимал и мог общаться, то я вообще ловила одни помехи на радио. Они почему-то тут же решили, что я им вполне подхожу, и повели в детскую. И тут я совсем обледенела: там в кроватке лежал огромный датский ребенок. Метр на метр, ей-богу... Даже не помню – был ли он симпатягой. И я такая – 42-й размер одежды. Я беззастенчиво отшатнулась: «Бл...! Да я его не подниму даже!» Вышли мы оттуда, и я говорю: «Нет-нет-нет!!! И еще раз нет! Это ж какая ответственность! Я вообще не понимаю, о чем вы все думаете: они мне будут что-то поручать, а я даже не пойму – что. И буду кивать?» Это я уже в Москве в 2010 году поняла: все гастарбайтеры так и делают. На самом деле у меня тогда был внутренний протест, потому что

я совершенно другого хотела от жизни. Я не собиралась никогда работать никакими няньками! Я хотела быть великим художником – Мэпплторпом, Ньютоном, Лейбовиц... И этот шаг назад – вынужденный – меня не устраивал вообще. Я всегда – «здесь и сейчас». А тогда это вообще было страшно. в какой-то датской деревне проводить свои дни с каким-то детенышем лося, которого я наверняка уроню лицом в пол. Это – пике, из которого выбраться будет невозможно. В общем, я как-то отмазалась.

Вскоре до Алекса дошло, что меня бесполезно отправлять на такие работы. Поэтому он попробовал отправлять меня на другие: на Истед-геде, под красные фонари. Там, где драгдилеры и секс-шопы, стоят и уличные проститутки. Ну, они не то чтобы стоят, они иногда стоят, иногда ходят, что-то мутят, полиция иногда курсирует. Стоять нельзя, потому что уличная проституция нелегальна. Ведь налоги-то никто не платит! А налоги в Дании священны. Есть бордели, профсоюз проституток, вся эта структура, все есть, но на улице – нельзя. В бордели еще и попасть непросто. Там медкомиссия, общежитие, им пенсии платят – целая система. И это – уже судьба. А на улице можно между делом подработать. Там стоят только маргиналки и наркоши. Неучтенка. К тому же Алекс уже досконально изучил порочный мир этой улицы, и он вождедел стать моим сутенером. И он повел меня туда, чтобы попробовать поработать.

Не то, что б прям взял за руку и повел, но у нас были

жесткие игры. «Комплексы» представлялись тяжелым пережитком советского воспитания, а к ним относились любые немотивированные «не хочу». Нужно было доказать самой себе и Алексу, что у меня нет каких-то глупых предубеждений. Ну, и любопытство, конечно... В глубине души, честно говоря, я не верила в то, что что-то выйдет из этой затеи, но была ко всему открыта... И мы поехали. Я надела ботфорты и бабушкину шубу, от которой иностранцы еще в Москве, в ресторане «Арбатский» млели – натуральный «минк»! Ботфорты к короткой шубе – очень неплохо. В Москве такие ботфорты – вышак, а в Дании в таких сапогах как раз ходили только уличные девки... Наконец-то сапоги были к месту! Всю дорогу муж рекламировал мне возможности профессии, особенно напирая на то, что есть там на улице очень крутые телки: одна – панк даже есть, с серьгой в носу и зелеными волосами. Пользуется большим спросом. Развеивал мои сомнения: типа что не только лохушки себя продают. Мы приехали из Роскильде, вышли из поезда на вокзале и от вокзала пошли пешком по этой улице. Алекс шел рядом и инструктаж давал: «Ты иди, делай вид, что гуляешь, и, если полиция подъедет, скажи, что по-датски ничего не понимаешь, а если подойдут мужики знакомиться, спрашивай сразу сколько... по времени строго: полчаса – 100 крон, а час – 300 крон. Хотя ты новенькая, свеженькая... 500 – нормально. Но минет все равно 300, больше никто не даст. Так что ты сразу иди». Он меня инструктировал, а я думала: ого, при-

ключуха! Я вообще на приключухи велась всегда... Адреналин что ли? Будь что будет! Мы шли, а он – то на другую сторону перейдет, наблюдает, то вперед пройдет, то сзади подождет, кругами ходит. И только мы вышли – ко мне сразу подошел парень, молодой совсем. Сильно моложе меня, лет шестнадцать ему: такой датский юноша, румяный (они все такие), крупный, глаза голубые. Он ко мне подошел – и сразу к делу, но очень вежливо:

– Здравствуйте, извините пожалуйста...

И что-то мне говорит, а я уже начинаю пугаться и съезжаться:

– Я не говорю по-датски.

А он:

– О'кей, я по-английски могу. Вы знаете, я первый раз здесь...

Я ему говорю:

– Я тоже.

Он обрадовался:

– Ой как здорово, пожалуйста-пожалуйста, можно вы будете моей первой женщиной?

Я уже совсем съезжилась. Думаю, может врет, а может и нет. И представила себе на минутку этот секс: будем там колупаться с ним, как осенние мухи на варенье...

– Нет, я не могу быть твоей первой женщиной, ну, просто не могу!

– Ну пожалуйста, пожалуйста!

Я уже почти плачу, чувствую, что попала в мелодраму и сейчас нахожусь в самой кульминации. Он говорит:

– Ну мне тогда придется снять какую-нибудь старуху страшную или наркоманку. Вам меня не жалко?

Я подумала: «Боже! Что за диалог!» Сказала «Нет!» и дала деру. Как-то не честно пытаться давить на жалость еще не оплаченной женщине. Но больше всего мне жалко стало, что у него почему-то проститутка должна стать первой женщиной. А я должна почему-то из-за него стать проституткой! Бред какой-то! Я тогда про карму еще ничего не знала. Но поняла всю эту дикую логическую цепочку именно так: сейчас я что-то сломаю в его судьбе, а он – в моей. Да ну на х-й! Я от него убежала, но лицо хорошо запомнила. Алекс когда все это услышал, аж задохнулся:

– Ты что, дура?! Это лучший вариант, который здесь мог быть вообще! Ты с ума сошла! Надо было соглашаться!

А я уже чувствую: все, харэ, меня все это обламывает. Наверное, я надеялась, что будет весело. А раз не стало, то хрен вы меня заставите... Так я проверяла свои морально-нравственные устои. Эмпирически. На передовой, на линии фронта духовных баталий.

Но Алекс не унимался:

– Ну все, сейчас мужик какой-нибудь подойдет, и ты давай, глупостями не занимайся.

И сразу – чик: от меня отбежал и спрятался за угол. Тут же подходит какой-то мужик и говорит:

– Сколько?

А я – все. Амба! Щелкнуло что-то, как будто костяшки на счетах откинула чья-то рука в черном нарукавнике. И я говорю ему:

– Вы меня не за ту приняли, я вообще здесь гуляю.

А он такой:

– Что? Гуляет она здесь! Здесь неправильное место для прогулок! Сука! Туристка, ё!

И начинает меня хватать за грудки и приподнимать над тротуаром. Обиделся. На вопли опять прибежал сутенер – Алекс:

– В чем дело?

А я говорю:

– Ни в чем, все нормально, он меня принял за проститутку, а я здесь совершенно случайно – просто гуляю.

И смотрю на мужа сурово так, как жене положено. Алекс как-то сразу скис:

– Так, я все понял, с тобой каши не сваришь.

В общем, оказалось, что я бестолочь и никак не могу помочь семье материально. Но такую позицию занимать было опасно. И политически, и стратегически. Я чувствовала, что этот брак больше нужен мне, чем Алексу. Нужно было иметь хоть какое-то «вэлью» для этого союза. Социальную значимость, в конце концов. Поэтому я пошла в секонд-хенд и украла там шерстяную кофту. Просто засунула ее в сумку и вышла. Дрожа и обливаясь потом. Кофта была на редкость

уродливая и поюзанная. Растянутое коричневое уродство. Но на ней не было звенелки. Этим и определялся мой выбор. Я принесла трофей Алексу. Пусть гордится мною, учитель. Он был немного удивлен: никак не хотела, а тут повелась на такую уродскую вещь? «Я ж тебе показывал, как звенелки снимать. Могла бы себе джинсы какие-нибудь взять!» Он не понимал, что это была не уступка соблазну, а вынужденное насилие над собой. Самостоятельное лишение себя невинности. Дальше пошло как по маслу. Из возможного спектра профессий было выбрано наименьшее из зол: стать проституткой, нянечкой, посудомойкой, наркоманкой или домохозяйкой? Лучше уж стать воровкой! Тем более с моим основным пороком: гордость не давала мне согнуть спину в трудах праведных. И я напевала под нос:

«Воровка никогда не станет прачкой,
А вор не будет спину гнуть.
Не лучше ль это дело кончить мирной стачкой,
Мы это дело перекурим как-нибудь...»

Этим актом был проложен путь в социум. Тот, который я видела вокруг себя. С приличными людьми я познакомилась гораздо позже. А вначале свобода улыбнулась мне вот такими вот гнилыми зубами.

Я все еще думала, что мы как-то сможем жить вместе, найдем общие интересы... Ну, как раньше: выдавали девушку замуж на кого-то незнакомого из соседней деревни: совет да

любовь! И ничего, жили всю жизнь. Искали консенсус, привыкали. Но после этого поняла: «фу, не хочу больше». Еще попряталась немножко в ванной, а потом сказала: «Дорогой, знаешь когда девушки выходят замуж в другом городе за кого-то, им надо потом маму навестить». И взяла билет в один конец обратно, в Москву.

Глава 11

Лето в Рашке. Летаргический сон. Спирт и гей-клуб PAN. Скука и дождь.

Вы думаете, что я вот так вот взяла и вернулась в Рашку? Как бы не так. Да, мне хотелось сбежать. Но я теперь ничего не загадывала. Это давало мне неоспоримые преимущества и возможность новых ходов... В любом случае – полезно посмотреть на ситуацию со стороны.

Короче, приехала я в Москву в новых белых джинсах «дизель» и дешевых кедах «all stars». Долларов двести в кармане. Планов – никаких. И на второй день поняла, что делать мне тут нечего. Девяносто второй год, работы нет почти ни у кого. Бойфренд Саша фактически на иждивении у своей мамы, которая работает горничной в маленьком частном отеле. Одноразовые тапочки и маленькое мыльце – полная квартира. Моя мама подвизается у некой эротической звезды Инны Воробьевой в качестве администратора. И это – после двадцати лет работы переводчиком-синхронистом во Внешторге. Фотографы-одноклассники пытаются халтурить на свадьбах и выпускных. Мои 200 долларов произвели фурор. Я все лето поила пивом все Подмоскovie. Мы ездили купаться на карьер: кайфовали и ничего не делали. Но чувствовалось легкое отчуждение. Я стала другая. Я стала иностранкой. У меня были другие возможности. Вопрос «Как там у вас в Дании?» звучал так же, как классическое «Есть ли жизнь на Марсе?». Любой ответ принимался. Люди ничего не знали ни про жизнь в Дании, ни про то, какой ценной она мне дается. Они не готовы были знать. Мои жалобы

звучали здесь, как нытье избалованного ребенка. Рассказы о том, что мне приходится воровать, спать с мужем-наркоманом и пить пиво вместо приема пищи, быстро превратились в занятные байки. И я стала желанным гостем на любой ту-совке: «Уважжжаемая публика, сейчас гвоздь программы – Дама из Амстердама! Занимательные истории о житье-бытье жестокого капиталистического мира!» Я веселила публику, все смеялись. Мама моя отморозилась. Ей нужно было жить свою жизнь, а я уже выросла и сделала выбор. Бойфренд Саша прямо сказал, что рад меня видеть, но не понимает, как рулить в этой стране свое будущее, и финансовой помощи мне оказать не сможет. Перспектив не было ни у кого. А тут я свалилась им всем на шею. Я стала инородным телом, и среда выдавливала меня вон.

Я провела в Москве все лето вместо предполагаемого месяца. Растягивая удовольствие. И в конце концов поняла, что мне придется возвращаться и разгребать самой свое говно. Продавливать ситуацию. По крайней мере, там у меня были средства к существованию – пособие. А здесь, в Москве, люди занимали друг у друга на еду. У меня родилась гениальная идея. Помочь своим близким. И тем спасти себя от одиночества. Перетащить туда всех кого можно. Я затеяла с Сашей разговор на тему: кого бы из наших «спасти» и вывезти из страны. Решение было однозначным: их с лучшим другом Пашей и их общую подругу Ритку. Пожалуй, она – единственный человек, для которого моя авантюра оказа-

лась хоть сколько-нибудь плодотворной. Тогда, в девяносто втором году, я еще плохо ее знала. Но она была априори «своя». Талантливая девочка со стильной стрижкой, которая жила в поселке Томилино, где неподалеку располагалась очень вонючая действующая птицефабрика. На которой трудилась основная часть народонаселения.

Девочка рисовала что-то странное, дарковое и концептуальное. Она даже разговаривала так, как будто была не совсем с местности: с легким акцентом. Она училась в десятом классе. Я тогда подозревала, что оба моих друга были влюблены в нее. И эта интрига еще больше меня раззадоривала. Мы были модные, молодые и красивые. У нас была славная компания. Больше ехать никто не захотел. А зачем? Все строили планы про жизнь в Рашке. Так или иначе. Аутсайдеров было – раз, два и... я.

Я опять связалась с мужем через уличную телефонную будку. Попросила ему передать: «каждый день в 17.00 на наш номер». И с пятой попытки вышло. Он удивился, что я вообще жива, но был этому рад. Я засобиравалась обратно. Теперь я понимала, что шутки кончились и мне нужно подумать о том, как я там буду жить. А главное – как сделать так, чтобы меня больше не тянуло малодушно бежать. Как привязать к ногам гири и якоря, чтобы заставить себя биться до конца. Моя природа – ветер. Но я пошла против природы. И в качестве якорей взяла с собой огромный чемодан с разным говном и складной велосипед «Ка-

ма». Одно дело, когда ты на этом велосипеде прокатился пару раз в детстве и поставил на балкон: классная вещь! А другое дело, когда ты вынужден пользоваться этой дрянью регулярно. Через этот велик я впервые в жизни столкнулась с пониманием качества вещей. Он, сука, не ездил. Это было проклятие и позор. Одна скорость, дребезжащие суставы и маленькие колеса при большом весе рамы. Когда передо мной была горка, даже самая незначительная, приходилось слезать с него и с улыбкой самокритичного идиота толкать вручную под изумленными взглядами нормальных велосипедистов. Но это было чуть позже.

А пока я села в поезд Москва – Копенгаген. С билетом в один конец, как обычно. Меня провожали друзья. Не знаю, что они там себе представляли в своем воображении, но лично я ехала на фронт. Поэтому на двое суток с лишним я впала в анабиоз. Настоящий. Я легла на верхнюю полку и вставала только пописать. Пару раз. Соседка с нижней полки очень беспокоилась и регулярно трогала мой лоб, предлагала лекарства и спрашивала, давно ли я обследовалась на разные ужасные заболевания. Но я знала, что это. Это была криогенная заморозка. Стекланный гроб. Тело мое было отправлено по назначению. С чемоданом и складным велосипедом «Кама». Чтоб не сдуло.

На перроне меня ждал Алекс. Была ранняя теплая осень. Алекс был в неизменных черных джинсах, черно-белой рубашке и любимой паре узких ботинок. Эти ботинки он по-

купал в секунде, причем – регулярно, как только снашивал предыдущую пару. Ровно такие же. На моей памяти было как минимум пять пар. Есть такие люди. Они обычно худые, много курят, носят только черное и белое, их интеллект выше среднего, и это мужчины. Если им нравится что-то из одежды, они покупают сразу несколько экземпляров. И носят до самой смерти. Я знаю еще двоих, и у них у всех одинаковые имена. Я называю это – «синдром Алекса». Только в тот раз на моем муже были еще черные кожаные перчатки, почему-то... Довольно грубо пошитые, и пальцы в них были толстые и квадратные. И в них – одна красная роза. Наверное, он меня любил. Или собирался задушить и возложить потом эту розу на. Я даже похолодела, когда увидела его снова. Вспомнила всю эту жесть... Но решила: человек заслуживает честности. Значит, буду пытаться. Мы выгрузили бессмысленные тяжести и поперли их через весь город. Нам уже выдали квартиру в Копенгагене. И мне предстояло ее увидеть. Но я не радовалась. Я готовилась к разговору.

Квартира оказалась прекрасной: большая двушка, в новом доме, через дорогу от Христиании. Но мне было не до этого. Меня морозило. Я чувствовала, что очень устала и мне нужно... поспать. Он обрадовался и сказал, что сгоняет тогда быстренько на Истед-геде. Сказал, что теперь ездит туда регулярно. Что у него там новые друзья, и он знает хороших дилеров. Вообще, все круто. И свалил. Я рухнула на матрас в маленькой комнатке и заснула. Кажется, ме-

ня накрыло новой волной анабиоза. Я не могла ничего поделать. Я пыталась бороться со сном, пыталась встать, пошевелить руками, но не могла найти в себе сил даже поползти до чемодана. Иногда сквозь сон я начинала паниковать: я понимала, что все только усугубилось, что я не справлюсь, что надо срочно валить. Брать чемодан, велосипед и бежать на тот же поезд в обратную сторону. Может быть, он еще не выехал из депо? Может быть, я договорюсь с проводником? Не беда, что у меня нет денег на билет: я отдам ему велосипед. Хороший велосипед, почти новый! Хотя, наверное, он может не пойти на это... Нет! Мне нужно бежать в посольство. В русское посольство, и просить там убежище, просить, чтобы меня депортировали обратно на родину. Я расскажу им все. Расскажу про мужа-наркомана. Они пожалеют меня и отправят домой. Но я не знаю их адрес! И у меня нет сил встать. Совсем нет сил. Я решила отложить визит в посольство на попозже, когда выплусь. Пришел Алекс и заглянул ко мне. Я видела сквозь веки, как он сел в гостиной и выкурил дозу с фольги. Как лег на диване и включил себе музыку. Я не могла встать. Я спала.

А потом пришло утро. И сон перевалил за третьи сутки. Пришлось взять себя в руки. Взять себя в руки помог трофейный спирт Royal. Это был литровый бутыль неизвестного производства, но весьма качественный, 45 или 47 оборотов... Когда как. Вся Москва тогда пила «Рояль», разбавляя чем могла: кто пепси, кто водой из крана. Он было на рынке

не меньше года, и никто не помер. Я привезла два бутыля. Один мы раскупорили сразу же, как я проснулась. Непоздним вечером. Много выжрать не смогли и решили пойти тусоваться. Далеко идти было лень. Да и незачем. Ближе всего к нашей норе находился гей-клуб PAN. Не самый лучший клуб, но очень уютный. Домашний такой.

Бывал ли Алекс там раньше? Однозначно. Спал ли он с мужчинами? Мне было все равно. Личная жизнь мужа меня совершенно не интересовала. А вот моя явно нуждалась в разнообразии. Поэтому, накачавшись «Рояля», мы бескомпромиссно потащились туда. Початую бутыль заткнули бумажной пробкой из сложенного листа А4 и аккуратно поставили во внутренний карман моей косухи. У самого входа под открытым небом стоял дешевый круглый стол и железные стулья. Там нежались в свете уличных фонарей лесбиянки. Я раскурилась с ними и заскучала. Телки на меня не западали. Они сюсюкались и сторонились угрюмой иностранки. А когда одна из них, сказав, что «totally stoned», рухнула мимо стула, я сплюнула сквозь зубы, как учили меня гопники в Мытищах, и присоединилась к Алексу. Он выплясывал на танцполе с молодым румынским юношей. Где он их только брал? Я угостила мальчика спиртом. Он выпил десять капель из пробки, сказав, что ему хватит, а то у него стоять не будет. Мне стало смешно. Я сделала еще пару глотков из горла. Запить было нечем, потому что денег на бар не было, а до крана в туалете идти было далеко. Помню, что

возвращались мы вместе с Алексом, причем я помогала ему идти. Не стояло ни у кого.

Утром мы пошли в Христианию, дунули, заполировали пивком, и все наладилось. Мы дули тогда очень много, потому что брали фактически во дворе, по самой низкой цене в городе. Пили пиво и питались джанки-фудом: сникерсами и чипсами. Мои попытки готовить закончились парой борщей. Аппетита у Алекса не было. Да и у меня тоже. На кухне в раковине лежала гора грязной посуды. В холодильнике томилась упаковка гамбургеров: 6 шт за 12 крон. Это значило, что один гамбургер стоил две кроны. Билет на автобус начинался от шести крон. Я не знаю, из чего были эти гамбургеры. Ходили слухи, что правительство поддерживает местных производителей настолько, что позволяет им вот так снизить цену на продукцию. Что отчасти объясняло тот факт, почему от этих гамбургеров еще никто не умер.

Деньги на еду тратить не хотелось. Мы тратили их на музыку. На подъемные бабки мы, конечно, приобрели музыкальный центр. Центр был крутой, с пишущим кассетником и CD-водом! Пластинки только начали выходить, продавали их в хороших музыкальных магазинах. Украсть их было почти не реально. Хотя потом у меня появился знакомый – Игорь. Крутой меломан. Так вот он воровал только пластинки, больше ничего. Жил впроголодь. Пока и сам на герыч не подсел. Там уж понеслось... Так вот, Алекс пока не подсел, тоже медленный покупал только с полочки. И еще хва-

тало на гашик, пластинки и пиво. Мы наслаждались жизнью пару недель, потом пару недель воровали сникерсы в супермаркете. Позже, этот навык очень пригодился Алексу в его нелегкой наркоманской жизни. А пока все шло своим чередом.

Пошли дожди, задул холодный ветер из Гренландии. Мелкая водно-дисперсионная взвесь стояла в воздухе. Алекс подарил мне арафатку. Так я и ездила по копенгагенским мостам на медленном ходу, на своей «Каме», промокая до костей в джинсах, кожаной косухе и арафатке.

Было как-то пусто внутри. Я пыталась заставить себя что-то писать, сочинять. Выходило пресно и убого. Я ходила в уединенные места и в кафе. Вдохновлялась на лавочках у пруда. Пыталась писать сценарий по Мамлееву «Живая смерть». Пыталась писать сценарии для какого-то дикого артхауса... Но, по факту, самым сильным концептуальным произведением, сохранившимся с той поры, был тетрадный листок в линейку. На этом листке очень мелким почерком ровной диагональю была сто раз выведена одна-единственная фраза: «Совсем нечего делать...». Алекс все чаще ездил на Истед-геде. Секс естественным образом ушел из наших отношений. Мы стали женатыми друзьями. Но с легким таким привкусом интриги. Наконец, я отважилась сказать, что мне не очень-то нравилось с ним спать, Алекс резонно заметил, что я тоже – не лучшая женщина в его жизни. Мы немного поболтали об этом и сделали свои выводы. Вернее,

договорились о том, что наш брак отныне – по-настоящему фиктивный. А это означало только одно – я плачу ему деньги. Отдаю почти все свое пособие. Абонементная плата. Я воззвала к здравому смыслу (ради нашей прежней любви!) и отгрызла у Алекса 1000 крон ежемесячно – едва-едва на жизнь. Потому что фиктивный брак, знаете ли, дорогого стоит. «Вообще-то это стоит столько-то тысяч, – убедительно сказал Алекс» И я ему поверила. Потому как следующий аргумент был еще весомее: «Но непросто найти человека, который тебя не кинет». В Алексее я была уверена, он был надежным товарищем по несчастью.

Глава 12

Школа датского, иранец и его «Мерси». Быть подонком. Радость музыки. Признание. Ожидание счастья или счастье ожидания.

Тем временем меня определили в школу – учить датский язык. Я долго не хотела туда идти. Не хотела «попасть в систему», ведь я «ничего не должна им», «скоро нас всех посчитают и поставят штрихкоды на лоб». Моя анархическая натура бунтовала против любых обязанностей. Но, честно говоря, делать было совершенно нечего, скучища. И я придумала тему, что разрушать систему лучше изнутри, зная язык. Ну, и Алекс настаивал. Он был постарше на год. И, видимо, поумнее. И, напомним – он все еще был «кормилец» и получал мои денежки на свой банковский счет. И выдавал их под запрос. Нельзя было сильно не слушаться.

Датский считался сложным для изучения языком. Говорят, по звучанию – похож на голландский. Так говорят те, кто никогда не слышал норвежский. А мне кажется, он по грамматике напоминает английский, по лексике – немецкий. Там так же прикольно образуются новые слова из нескольких старых. Очень экономичный язык. И букв всего 29. Хотя среди

них есть такие, как ø и æ. Иногда можно встретить еще å, но пугаться не надо, это просто двойное а. Это вокальный язык, поэтому многие слова звучат для иностранцев очень похоже, и догадываться приходится по смыслу, что имелось в виду: ухо или неделя? А может, часы? Догадаться не получится. И тебе терпеливо повторяют еще раз десять. Они сочувствуют... Но и это не поможет, потому что датчане разговаривают так, будто у них еще заморозка после стоматолога не прошла. Говорят: расслабьте щеки, язык и все получится. Но вы вряд ли научитесь считать! Названия числительных в Дании уникальны. До 7 еще похоже на что-то, потом идут миляги Отто и Ни, потом нужно просто зубрить. Например, 6 – секс, 16 – секстен, а 60 – трес. Двузначные числа читаются с конца. Но к большим числам особое уважение – сотни и тысячи – вперед. 55 = пять и полсотни. 341 = три сотни и один-четыре. Как-то так. А вот забава: 3.300.400 = три миллиона, три сотни тысяч и четыре сотни. В общем, не скучное занятие. Без всякой надежды на успех я пошла в школу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.